

Друнина Юлия Владимировна. Полынь: Стихотворения и поэмы

РАЗ — НАЯВУ И СОТНИ РАЗ — ВО СНЕ

В КАНУН ВОЙНЫ

В ночь на 22 июня 1941 года в гарнизонном клубе Бреста шла репетиция местной самодеятельности...

Брест в сорок первом.

Ночь в разгаре лета.

На сцене — самодеятельный хор.

Потом: «Джультетта, о моя Джультетта!»—

Вздывает руки молодой майор.

Да, репетиции сегодня затянулись,

Но не беда: ведь завтра выходной.

Спешат домой вдоль сладко спящих улиц

Майор Ромео с девочкой-женой.

Она и впрямь похожа на Джультетту

И, как Джультетта, страстно влюблена...

Брест в сорок первом.

Ночь в разгаре лета.

И тишина, такая тишина!

Летят последние минуты мира!

Проходит час, лотом пройдет другой,

И мрачная трагедия Шекспира

Покажется забавною игрой...

«Я ушла из детства в грязную теплушку...»

Я ушла из детства в грязную теплушку,

В эшелон пехоты, в санитарный взвод.

Дальние разрывы слушал и не слушал

Ко всему привыкший сорок первый год.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,

От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,

Потому что имя ближе, чем «Россия»,

Не могла сыскать.

«Качается рожь несжатая...»

Качается рожь несжатая.

Шагают бойцы по ней.

Шагаем и мы — девчата,

Похожие на парней.

Нет, это горят не хаты —

То юность моя в огне...

Идут по войне девчата,

Похожие на парней.

«Только что пришла с передовой...»

Только что пришла с передовой.

Мокрая, замерзшая и злая,

А в землянке нету никого,

И дымится печка, затухая.

Так устала — руки не поднять,

Не до дров, — согреюсь под шинелью,

Прилегла, но слышу, что опять

По окопам нашим бьют шрапнелью.

Из землянки выбегаю в ночь,

А навстречу мне рванулось пламя,

Мне навстречу — те, кому помочь

Я должна спокойными руками.

И за то, что снова до утра
Смерть ползти со мною будет рядом.
Мимоходом — Молодец, сестра!—
Крикнут мне товарищи в награду.

Да еще сияющий комбат
Руки мне протянет после боя:
— Старшина, родная, как я рад,
Что опять осталась ты живою!

«Кто-то бредит...»

Кто-то бредит.
Кто-то злобно стонет.
Кто-то очень, очень мало жил.
На мои замерзшие ладони
Голову товарищ положил.

Так спокойны пыльные ресницы.
А вокруг — нерусские края.
Спи, земляк.
Пускай тебе приснится
Город наш и девушка твоя.

Может быть, в землянке,

После боя,
На колени теплые ее
Прилегло усталой головою
Счастье беспокойное мое...

ИЗ ФРОНТОВОГО ДНЕВНИКА

* * *

Четверть роты уже скосило...
Распростертая на снегу,
Плачет девочка от бессилья,
Задыхается: «Не могу!»

Тяжеленный попался малый,
Сил тащить его больше нет...
(Санитарочке той усталой
Восемнадцать сравнялось лет.)

Отлежишься. Обдует ветром.
Станет легче дышать чуть-чуть.
Сантиметр за сантиметром
Ты продолжишь свой крестный путь.

Между жизнью и смертью грани —
До чего же хрупки они...
Так приди же, солдат, в сознание,

На сестренку хоть раз взгляни!

Если вас не найдут снаряды,
Не добьет диверсанта нож,
Ты получишь, сестра, награду —
Человека опять спасешь.

Он вернется из лазарета,
Снова ты обманула смерть,
И одно лишь сознание это
Всю-то жизнь тебя будет греть.

* * *

Тот осколок, ржавый и щербатый,
Мне прислала, как повестку, смерть...
Только б дотащили до санбата,
Не терять сознание, не сметь!

А с носилок свешивались косы —
Для чего их, дура, берегла!..
Вот багровый дождь ударил косо,
Подступила, затопила мгла.

Ничего. Мне только девятнадцать.
Я еще не кончила войну.
Мне еще к победе пробиваться

Сквозь снегов и марли белизну.

* * *

Трубы.

Пепел еще горячий.

Как изранена Беларусь...

Милый, что ж ты глаза не прячешь?

С ними встретиться я боюсь.

Спрячь глаза.

А я сердце спрячу.

И про нежность свою забудь.

Трубы.

Пепел еще горячий.

По горячему пеплу путь.

«На ничьей земле пылают танки...»

На ничьей земле пылают танки.

Удалось дожить до темноты.

Умоляю — лишние портянки

И белье сдавайте на бинты.

Я стираю их в какой-то луже,

Я о камни их со злостью тру,

Потому как понимаю: нужно

Это все мне будет поутру.

Спят солдаты, самолеты, пушки.

Догорая, корчится село...

Где ж конец проклятой постирушке —

Ведь уже почти что рассвело...

«Контур леса выступает резче...»

Контур леса выступает резче.

Вечереет. Начало свежить.

Запеваает девушка-разведчик,

Чтобы не темнело в блиндаже.

Милый! Может, песня виновата

В том, что я сегодня не усну?

Словно в песне, мне приказ — на запад,

А тебе — «в другую сторону».

За траншеей — вечер деревенский.

Звезды и ракеты над рекой...

Я грущу сегодня очень женской,

Очень несолдатскою тоской.

НЕТ ПРИКАЗА

«Отползать!» —

Пошло по цепи слово,

Роты оставляли высоту,

А связной забыл про часового,

Вросшего с винтовкой в темноту...

Что случилось, понял тот не сразу,

Но еще сумел бы отойти —

Только у солдата

Без приказа

Отступить заказаны пути...

Рассвело.

Согнулся он в траншее —

Хорошо, что ростом невысок.

От движенья каждого по шее

Тек за ворот медленный песок.

Поползли шинели на нейтралку —

Странного нерусского сукна.

Значит, точка...

Ребятишек жалко —

Как поднимет четверых жена?

Старшему исполнилось пятнадцать,

Младшему сравняется пять лет...

Есть еще, есть время попытаться

Ускользнуть,

Да вот приказа нет!

КОМБАТ

Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули —
Всегда стрелял без промаха комбат.

Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шел на пулемет.

Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.

И сотни раз письмо читала людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!

«Я только раз видала рукопашный...»

Я только раз видала рукопашный,
Раз — наяву. И сотни раз — во сне...
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

ЗИНКА

(Поэма)

Памяти однополчанки, Героя Советского Союза Зинаиды Самсоновой

1

Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я — против грусти.
Но сегодня она не в счет.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг нежданный приказ: «Вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

2

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы.
Мы хотели со Славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Дробно,
как будто цыганские плечи,
Гибкий дрожит состав.
Мечется степь —
узорный,
Желто-зеленый плат.
Пляшут,
поют платформы,
Пляшет,
поет штрафбат.
Бледный майор
расправляет плечи:
— Хлопцы,
пропьем
Свой последний вечер! —
Вечер.
Дорожный щемящий вечер.
Глух паровозный крик.
Красное небо летит навстречу —
Поезд идет
в тупик...

«А я сорок третий встречала...»

А я сорок третий встречала
В теплушке, несущейся в ад.
Войной или спиртом качало
В ночи добровольцев-солдат?

Мы выпили, может быть, лишку,
Все громче взрывался наш смех.
Подстриженная «под мальчишку»,
Была я похожа на всех.

Похожа на школьников тощих,
Что стали бойцами в тот час.
...Дымились деревни и рощи,
Огонь в нашей печке погас.

Взгрустнулось. Понятное дело —
Ведь все-таки рядышком смерть...
Я мальчиков этих жалела,
Как могут лишь сестры жалеть.

«У матушки-земли в объятьи...»

У матушки-земли в объятьи,
В грязи, на холоде, в огне
Бойцы мечтали о санбате —
О койке и о простыне.

Не выбросить из песни слова:

Трепались (если тишина)
О сестрах, их жалеть готовых,
Поскольку спишет все война...

Как, после взрывов и разрывов,
Побыв у смерти на краю,
Солдаты радовались диву —
Пожить в санбатовском раю!

Но вот прошли недели —
Странно:
Еще закутанный в бинты,
Еще с полузажившей раной
Опять в окопы рвешься ты!

Уже с сестричкой трали-вали
Тебя не тешат, а томят.
Порой случалось, что сбегали
На костылях из рая в ад.

И на пустое одеяло
Упав беспомощно ничком,
Тихонько слезы утирала
Сестричка детским кулачком...

«Я курила недолго, давно — на войне...»

Я курила недолго, давно — на войне.

(Мал кусочек той жизни, но дорог!)

До сих пор почему-то вдруг слышится мне:

«Друг, оставь „шестьдесят“ или „сорок“!»!

И нельзя отказаться — даешь докурить,

Улыбаясь, болтаешь с бойцами.

И какая-то новая крепкая нить

Возникла тогда меж сердцами.

А за тем, кто дымит, уже жадно следят,

Не сумеет и он отказаться,

Если кто-нибудь скажет:

«Будь другом, солдат!»—

И оставит не «сорок», так «двадцать».

Было что-то берущее за душу в том,

Как делились махрой на привале.

Так делились потом и последним бинтом,

За товарища жизнь отдавали...

И в житейских боях я смогла устоять,

Хоть бывало и больно, и тяжело,

Потому что со мною делились опять,
Как на фронте, последней затяжкой.

«На носилках, около сарая...»

На носилках, около сарая,
На краю отбитого села,
Санитарка шепчет, умирая:
— Я еще, ребята, не жила...

И бойцы вокруг нее толпятся
И не могут ей в глаза смотреть:
Восемнадцать — это восемнадцать,
Но ко всем неумолима смерть...

Через много лет в глазах любимой,
Что в его глаза устремлены,
Отблеск зарев, колыханье дыма
Вдруг увидит ветеран войны.

Вздрыгнет он и отойдет к окошку,
Закурить пытаюсь на ходу.
Подожди его, жена, немножко —
В сорок первом он сейчас году.

Там, где возле черного сарая,
На краю отбитого села,
Девочка лепечет, умирая:
— Я еще, ребята, не жила...

ЕЛКА

На втором Белорусском еще продолжалось затишье,
Шел к закату короткий последний декабрьский день.
Сухарями в землянке хрустели голодные мыши,
Прибежавшие к нам из сожженных дотла деревень.

Новогоднюю ночь третий раз я на фронте встречала.
Показалось — конца не предвидится этой войне.
Захотелось домой, поняла, что смертельно устала.
(Виновато затишье — совсем не до грусти в огне!)

Показалась могилой землянка в четыре наката.
Умирала печурка. Под ватник забрался мороз...
Тут влетели со смехом из ротной разведки ребята:
— Почему ты одна? И чего ты повесила нос?

Вышла с ними на волю, на злой ветерок из землянки.
Посмотрела на небо — ракета ль сгорела, звезда?

Прогревая моторы, ревели немецкие танки,
Иногда минометы палили незнамо куда.

А когда с полутьмой я освоилась мало-помалу,
То застыла не веря: пожарами освещена
Горделиво и скромно красавица елка стояла!
И откуда взялась среди чистого поля она?

Не игрушки на ней, а натертые гильзы блестели,
Между банок с тушенкой трофейный висел шоколад...
Рукавицею трогая лапы замерзшие ели,
Я сквозь слезы смотрела на сразу притихших ребят.

Дорогие мои д'артаньяны из ротной разведки!
Я люблю вас! И буду любить вас до смерти,
всю жизнь!

Я зарылась лицом в эти детством пропахшие ветки...
Вдруг обвал артналета и чья-то команда: «Ложись!»

Контратака! Пробил санитарную сумку осколок,
Я бинтую ребят на взбесившемся черном снегу...

Сколько было потом новогодних сверкающих елок!
Их забыла, а эту забыть до сих пор не могу...

«Мы идем с переднего края...»

Мы идем с переднего края,
Утонула в грязи весна.
Мама, где ты, моя родная?
Измотала меня война.

На дорогах, в гнилой воде
Захлебнулись конские пасти.
Только что мне до лошадей,
До звериного их несчастья?..

ПРИНЦЕССА

Лицо заострила усталость,
Глаза подчеркнула война,
Но всем в эскадроне казалась
Прекрасной принцессой она.

Пускай у «принцессы» в косички
Не банты — бинты вплетены,
И ножки похожи на спички,
И полы шинельки длинны!

В палатке медпункта, у «трона»,
Толпились всегда усачи.
«Принцессу» ту сам эскадронный
Взбираться на лошадь учил.

Да, сам легендарный комэска
Почтительно стремя держал!
Со всеми суровый и резкий,
Лишь с нею шутил генерал.

...А после поход долгожданный.
Отчаянный рейд по тылам,
И ветер — клубящийся, рваный,
С железным дождем пополам.

Тепло лошадиного крупа,
Пожар в пролетевшем селе...
Принцесса, она ж санинструктор,
Как надо, держалась в седле.

Она и не помнила время,
Когда (много жизней назад!)
Ей кто-то придерживал стремя,
Пытался поймать ее взгляд.

Давно уже все ухажеры
Принцессу считали сестрой.
...Шел полк через реки и горы —
Стремительно тающий строй.

Припомнят потом ветераны
Свой рейд по глубоким тылам,
И ветер — клубящийся, рваный,
С железным дождем пополам.

Тепло лошадиного крупа,
Пожар в пролетевшем селе...
Принцесса, она ж санинструктор,
Вдруг резко качнулась в седле.

Уже не увидела пламя,
Уже не услышала взрыв.
Лишь скрипнул комэска зубами,
Коня на скаку осадив...

В глуши безымянного леса
Осталась она на века —
Девчушка, дурнушка, принцесса,
Сестра боевого полка.

БАЛЛАДА О ДЕСАНТЕ

Хочу, чтоб как можно спокойней и суше
Рассказ мой о сверстниках был...
Четырнадцать школьниц — певуний, болтушек —
В глубокий забросили тыл.

Когда они прыгали вниз с самолета
В январском продрогшем Крыму,
«Ой, мамочка!»— тоненько выдохнул кто-то
В пустую свистящую тьму.

Не смог побелевший пилот почему-то
Сознание вины превозмочь...
А три парашюта, а три парашюта
Совсем не раскрылись в ту ночь...

Оставшихся ливня укрыла завеса,
И несколько суток подряд
В тревожной пустыне враждебного леса
Они свой искали отряд.

Случалось потом с партизанками всяко:
Порою в крови и пыли

Позли на опухших коленях в атаку —

От голода встать не могли.

И я понимаю, что в эти минуты

Могла партизанкам помочь

Лишь память о девушках, чьи парашюты

Совсем не раскрылись в ту ночь...

Бессмысленной гибели нету на свете —

Сквозь годы, сквозь тучи беды

Поныне подругам, что выжили, светят

Три тихо сгоревших звезды...

«И опять мы поднимаем чарки...»

И опять мы поднимаем чарки

За невозвратившихся назад...

Пусть Могила Неизвестной Санитарки

Есть пока лишь в памяти солдат.

Тех солдат, которых выносили

(Помнишь взрывы, деревень костры?)

С поля боя девушки России,—

Где ж могила Неизвестной Медсестры?

ВАНЬКА-ВЗВОДНЫЙ

Генералы, штабисты, подвиньтесь,

Чтоб окопники были видны...

Ванька-взводный —

Малюсенький винтик

В исполинской машине войны.

Что бои,

Что окопная мука?—

Он солдат, он привык ко всему.

Лишь к смертям не привык,

Потому как,

Умирая, тянулись к нему.

Все тянулись к нему

За защитой,

Для бойцов

Ванька-взводный был бог

Бог в пилоточке, на ухо сбитой,

В сапогах, отслуживших свой срок.

Что герой, он и сам-то не ведал:

«Мол; воюю, служу, как должон».

Сделал больше других для Победы,

Был за день до Победы сражен...

Так помянем окопного бога.

Что теперь нам сгодился б в сыны...

Ванька-взводный!—

Малюсенький болтик —

Самый важный в махине войны.

ЧЕРНЫЙ ЛЕС

Только буки да грабы, только грабы да буки

Тянут к солнцу сплетенные намертво руки.

Черный лес, обжигающий холодом лес.

Под шатром добела раскаленных небес.

Тишина. Только ветра притушенный ропот.

Тишина. Заросли партизанские тропы.

Заросли держидеревом и купеной.

Тишина. Отчего же здесь веет войной?

Отчего эти старые грабы и буки

Заломили свои узловатые руки?

Отчего даже в светлый напев ручейка

Заронила гнетущую ноту тоска?..

А в глубоком ущелье, у быстрой воды

Обелиск со звездой да землянок следы.

То с Великой Войны запоздавшая весть —

Партизаны свой госпиталь прятали здесь.

Только буки да грабы, только грабы да буки,

Защищая, простерли над лагерем руки.
В черном море деревьев горя горького остров —
Косит раненых смерть, еле держатся сестры.
И губами распухшими чуть шевеля,
Здесь тебя призывают, большая Земля...
Раз в ночи, когда месяц стоял в карауле,
То ли свистнула птица, то ли чиркнула пуля.
И сейчас же, во все прокопченное горло,
Хрипло рявкнула пушка, вздрогнув, охнули горы.
И тогда, задыхаясь от радостных слез,
— Наши! — крикнул слепой обгоревший матрос.
Но, узнав пулемета нерусского стук,
Вдруг рванулся к винтовке разведчик без рук,
Вдруг рванулась куда-то связистка без ног,
И заслон медсестер самым первым полег...
Только буки да грабы, только грабы да буки
Здесь согнулись в бессилии, ярости, муке.
Только плачут холодные капли дождя,
Только люди бледнеют, сюда забредя,
Черный лес, партизанский обугленный лес.
Под сияющим куполом мирных небес...

БИНТЫ

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напряженный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.

Одним движеньем — так учили нас.
Одним движеньем — только в этом жалость...
Но встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движенье это не решалась.
На бинт я щедро перекись лила,
Стараясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла
И повторяла: «Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться — беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки».
Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.

Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.
Я это поняла, поймешь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе!

«Я хочу забыть вас, полковчане...»

Я хочу забыть вас, полковчане,
Но на это не хватает сил,
Потому что мешковатый парень
Сердцем амбразуру заслонил.
Потому что полковое знамя
Раненая девушка несла,

Скромная толстушка из Рязани,
Из совсем обычного села.
Все забыть
И только слушать песни
И бродить часами на ветру,
Где же мой застенчивый ровесник,
Наш немногословный политрук?
Я хочу забыть свою пехоту.
Я забыть пехоту не могу.
Беларусь.
Горящие болота.
Мертвые шинели на снегу.

«Я — горожанка...»

Я — горожанка.
Я росла, не зная,
Как тонет в реках
Медленный закат.
Росистой ночью,
Свежей ночью мая
Не выбегала я в цветущий сад.

Я не бродила
По туристским тропам
Над морем
В ослепительном краю:

В семнадцать лет,
Кочуя по окопам,
Я увидала Родину свою.

«Возвратившись с фронта в сорок пятом...»

Возвратившись с фронта в сорок пятом,
Я стеснялась стоптанных сапог
И своей шинели перемятой,
Пропыленной пылью всех дорог.

Мне теперь уже и непонятно.
Почему так мучили меня
На руках пороховые пятна
Да следы железа и огня...

«Я принесла домой с фронтов России...»

Я принесла домой с фронтов России
Веселое презрение к тряпью —
Как норковую шубку, я носила
Шинелку обгоревшую свою.

Пусть на локтях топорщились заплата,

Пусть сапоги протерлись — не беда!
Такой нарядной и такой богатой
Я позже не бывала никогда...

О ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Мне при слове «Восток» вспоминаются снова
Ветер, голые сопки кругом.
Вспоминаю ребят из полка штурмового
И рокочущий аэродром.

Эти дни отгорели тревожной ракетой,
Но ничто не сотрет их след —
Потому что в одно армейское лето
Вырастаешь на много лет.

ТЫ ВЕРНЕШЬСЯ

Машенька, связистка, умирала
На руках беспомощных моих.
А в окопе пахло снегом талым,
И налет артиллерийский стих.
Из санроты не было повозки,
Чью-то мать наш фельдшер величал.

...О, погон измятые полоски
На худых девчоночьих плечах!
И лицо — родное, восковое,
Под чалмой намокшего бинта!..

Прошипел снаряд над головою,
Черный столб взметнулся у куста...

Девочка в шинели уходила
От войны, от жизни, от меня.
Снова рыть в безмолвии могилу,
Комьями замерзшими звеня...

Подожди меня немного, Маша!
Мне ведь тоже уцелеть навряд...

Поклялась тогда я дружбой нашей:
Если только возвращусь назад,
Если это совершится чудо,
То до смерти, до последних дней.
Стану я всегда, везде и всюду
Болью строк напоминать о ней —
Девочке, что тихо умирала
На руках беспомощных моих.

Где эта дуручка — «царица бала»?

С кем кружится, нелепая, она?..

«Да, многое в сердцах у нас умрет...»

Да, многое в сердцах у нас умрет.

Но многое останется нетленным:

Я не забуду сорок пятый год —

Голодный, радостный, послевоенный.

В тот год, от всей души удивлены

Тому, что уцелели почему-то,

Мы возвращались к жизни от войны.

Благословляя каждую минуту.

Как дорог был нам каждый трудный день,

Как «на гражданке» все нам было мило!

Пусть жили мы в плену очередей,

Пусть замерзали в комнатах чернила.

И нынче, если давит плечи быт,

Я и на быт взираю, как на чудо:

Год сорок пятый мной не позабыт,

Я возвращенья к жизни не забуду!

«Русский вечер...»

Русский вечер.

Дымчатые дали.

Ржавые осколки на траве.

Веет древней гордою печалью

От развалин скорбных деревень.

Кажется, летает над деревней

Пепел чингисханской старины...

Но моей девчонке семидневной

Снятся удивительные сны.

Снится, что пожары затухают,

Оживает обожженный лес.

Улыбнулось,

сморщилось,

вздыхает

Маленькое чудо из чудес.

БАНЯ

Я у памяти в плену,

Память в юность тянет!..
По дороге на войну
Завели нас в баню.
Мы разделись догола,
И с гражданским платьем
Жизнь гражданская ушла...
Дымно было в хате,
Там кипели чугуны,
Едим щелоком полны:
Щелок вместо мыла —
Так в те годы было.
Пар валил от черных стен,
Не моргнувши глазом,
Всех девчат
Старик туркмен
Кистью с хлоркой мазал!
Приговаривал, смеясь:
— Нэ смотрите строго.
«Автоматчики» у вас
Завэстись нэ смогут.
Зря ты, дэвушка, сэрдит!
Нэту, дочка, мыла...—
Вот каким в солдатский быт
Посвященье было!
Да, прелюдия войны
Прозаична малость...
Опустели чугуны,
Смыли мы усталость
И, веселые, потом
Вылетев в предбанник,

С визгом бросились гуртом
К обмундированью.
Вмиг на мокрые тела
Форму, а не платье!
— Ну, подруженька, дела!
Ты не девка из села,
А лихой солдатик!
До чего ж к лицу тебе
Гимнастерочка х/б!
Мы надели щегольски,
Набекрень, пилотки!
Ничего, что велики
Чуть не вдвое башмаки
В километр обмотки.
Все, подружка, впереди:
И медали на груди,
И другая доля —
Лечь во чистом поле...

— Стройся! На выход!—
Взвился крик.
Вышли мы из бани.
Вслед смотрел туркмен-старик
Грустными глазами.
Может, видел дочь свою...
Он сказал:
— Ее в бою
Ранило, однако.
Но нэ очень тяжело...—

И добавил:

— Повэзло...—

А потом заплакал...

КОРОВЫ

А я вспоминаю снова:

В горячей густой пыли

Измученные коровы

По улице Маркса шли.

Откуда такое чудо —

Коровы в столице?

Бред!

Бессильно жрецы ОРУДа

Жезлы простирали вслед.

Буренка в тоске косила

На стадо машин глаза.

Деваха с кнутом спросила:

— Далече отсель вокзал?—

Застыл на момент угрюмо

Рогатый, брюхатый строй.

Я ляпнула, не подумав:

— Вам лучше бы на метро!—

И, взглядом окинув хмуро

Меня с головы до ног,

— Чего ты болтаешь, дура?—

Усталый старик изрек.

...Шли беженцы сквозь столицу,

Гоня истомленный скот.
Тревожно в худые лица
Смотрел сорок первый год.

ОПОЛЧЕНЕЦ

Редели, гибли русские полки
Был прорван фронт, прорыв зиял, как рана.
Тогда-то женщины, подростки, старики
Пошли... на армию Гудериана.
Шла профессура, щурясь сквозь очки,
Пенсионеры в валенках подбитых,
Студентки — стоптанные каблучки,
Домохозяйки — прямо от корыта.
И шла вдова комбата, шла в... манто —
Придумала, чудачка, как одеться!
Кто в ополчение звал ее? — Никто.
Никто, конечно, не считая сердца.
Шли. Пели. После падали крестом,
Порою даже не дойдя до цели...
Но я хочу напомнить не о том,
Хочу сказать о тех, кто уцелели.
Один на сотню — да, таков был счет,
А счетоводом — сорок первый год...

На Красной Пресне женщина живет.
Нет у нее регалий и наград,

Не знают люди, что она — солдат.
И в День Победы не звонит никто
Смешной старушке в стареньком манто.
Ей от войны на память — только шрам...
Но женщина обходится без драм.
«Я, — говорит — везучая, жива!»
Далекая военная Москва.
Идет в окопы женщина... в манто —
Придумала, чудачка, как одеться!
Кто в ополчение звал ее? — Никто.
Никто, конечно, не считая сердца...

ОКОПНАЯ ЗВЕЗДА

И вот она — родного дома дверь.
Придя с войны, в свои неполных двадцать,
Я верила железно, что теперь,
Мне, фронтовичке, нечего бояться.
Я превзошла солдатский курс наук —
Спать на снегу, окопчик рыть мгновенно,
Ценить всего превыше слово «друг»,
И слову «враг», понятно, знала цену.
Изведала санбатов маету...
Одно не знала — никому не надо
Теперь мое умение на лету,
По звуку различать калибр снаряда,
Ужом на минном поле проползать,
А если нужно — в рост идти под пули.

(В хвосте за хлебом у меня опять —
В который раз! — все карточки стянули...)
Меня соседки ели поедом:
— Раззява, растеряха, неумеха!—
Меня в свой черный список оправдом
Занес, как неплательщицу, со вздохом.
Но главное, что сеяло испуг
Во мне самой и подрывало силы —
Неясность, кто же враг тебе, кто друг:
На фронте это невозможно было...
И все-таки, сейчас, через года,
Я поняла, солдаты, слава богу —
Окопная суровая звезда
В то время освещала нам дорогу.
И все-таки она нам помогла,
Там, где житейские бушуют войны,
Не вылететь из тряского седла
И натиск будней выдержать достойно.
Уметь спокойно презирать иуд,
Быть выше злости, зависти, наживы,
Любить любовь, благословлять свой труд
И... удивляться, что остались живы.

«Могла ли я, простая санитарка...»

Могла ли я, простая санитарка,
Я, для которой бытом стала смерть,
Понять в бою, что никогда так ярко

Уже не будет жизнь моя гореть?

Могла ли знать в бреду окопных буден.

Что с той поры, как отгремит война,

Я никогда уже не буду людям

Необходима так и так нужна?..

ТРИ ПРОЦЕНТА

По статистике, среди фронтовиков 1922, 1923 и 1924 годов рождения к концу войны в живых осталось три процента.

Вновь прошлого кинолента

Раскручена предо мной —

Всего только три процента

Мальчишек пришло домой...

Да, раны врачует время,

Любой затухает взрыв.

Но все-таки как же с теми —

Невестами сороковых?

Им было к победе двадцать,

Сегодня им пятьдесят.

Украдкой они косятся

На чьих-то чужих внучат...

«Мы вернулись. Зато другие...»

Мы вернулись. Зато другие...
Самых лучших взяла война.
Я окопную ностальгией
Безнадежно с тех пор больна.

Потому-то, с отрадой странной,
Я порою, когда одна,
Трону шрам стародавней раны,
Что под кофточкой не видна.

Я до сердца рукой дотронусь,
Я прикрою глаза, и тут
Абажура привычный конус
Вдруг качнется, как парашют.

Вновь засвищут осколки тонко,
Вновь на черном замру снегу...
Вновь прокручивается пленка —
Кадры боя бегут в мозгу.

«О, хмель сорок пятого года...»

О, хмель сорок пятого года,
Безумие первых минут!

...Летит по Европе Свобода —
Домой каторжане бредут.

Скелеты в тряпье полосатом,
С клеймами на тросточках рук
Бросаются к русским солдатам:
«Амиго!», «Майн фройнд!», «Мой друг!»

И тихо скандирует Буша
Его полумертвый земляк.
И жест, потрясающий душу,—
Ротфронтковский сжатый кулак...

Игрались, последние акты —
Гремел Нюрнбергский процесс.
Жаль, фюрер под занавес как-то
В смерть с черного хода пролез!

И, жизнь начиная сначала,
Мы были уверены в том,
Что черная свастика стала
Всего лишь могильным крестом.

И тихо скандировал Буша
Его полумертвый земляк.

И жест, потрясающий душу,—
Ротфронтовский сжатый кулак...

Отпели победные горны,
Далек Нюрнбергский процесс.
И носятся слухи упорно,
Что будто бы здравствует Борман
И даже сам Гитлер воскрес!

Опять за решеткой Свобода,
И снова полмира в огне.
Но хмель сорок пятого года
По-прежнему бродит во мне.

«Я опять о своем, невеселом...»

Я опять о своем, невеселом,—
Едем с ярмарки, черт побери!..
Привыкают ходить с валидолом
Фронтовые подружки мои.

А ведь это же, честное слово,
Тяжелей, чем таскать автомат...
Мы не носим шинелей пудовых,
Мы не носим военных наград.

Но повсюду клубится за нами,
Поколениям другим не видна —
Как мираж, как проклятье, как знамя —
Мировая вторая война...

САПОЖКИ

Сколько шика в нарядных ножках,
И рассказывать не берусь!
Щеголяет Париж в сапожках,
Именуемых «а-ля рюс».

Попадают с острым носом,
Есть с квадратным — на всякий вкус.
Но, признаться, смотрю я косо
На сапожки, что «а-ля рюс».

Я смотрю и грущу немножко
И, быть может, чуть-чуть сержусь:
Вижу я сапоги, не сапожки,
Просто русские, а не «рюс», —

Те, кирзовые, трехпудовые,

Слышу грубых подметок стук,
Вижу блики пожаров багровые
Я в глазах фронтовых подруг.

Словно поступь моей России,
Были девочек тех шаги.
Не для шика тогда носили
Наши женщины сапоги!

Пусть блистают сапожки узки,
Я о моде судить не берусь.
Но сравню ли я с ними русские,
Просто русские, а не «рюс»?

Те, кирзовые, трехпудовые?..
Снова слышу их грубый стук,
До сих пор вижу блики багровые
Я в глазах уцелевших подруг.

Потому, оттого, наверное,
Слишком кажутся мне узки
Те современные.
Те манерные,
Те неверные сапожки.

«В самый грустный и радостный праздник в году...»

В самый грустный и радостный праздник в году —

В День Победы — я к старому другу иду.

Дряхлый лифт на четвертый вползает с трудом.

Тишиною всегда привечал этот дом,

Но сегодня на всех четырех этажах

Здесь от яростной пляски паркетны дрожат.

Смех похож здесь на слезы, а слезы на смех.

Здесь сегодня не выпить с соседями — грех.

Открывает мне женщина — под пятьдесят.

Две медальки на праздничной кофте висят,

Те трагичные, горькие — «За оборону»...

Улыбаясь, косы поправляет корону.

Я смотрю на нее: до сих пор хороша!

Знать, стареть не дает молодая душа.

Те медальки — не слишком большие награды,

Не прикованы к ним восхищенные взгляды.

В делегациях нету ее за границей.

Лишь, как прежде, ее величают «сестрицей»

Те, которых она волокла на горбу,

Проклиная судьбу, сквозь пожар и пальбу.

— Сколько было спасенных тобою в бою?

— Кто считал их тогда на переднем краю?..

Молча пьем за друзей, не пришедших назад.

Две, натертые мелом, медали горят,

Две медали на память о черных годах

И об отданных с кровью родных городах...

«Над ними ветра и рыдают, и пляшут...»

Над ними ветра и рыдают, и пляшут,
Бормочут дожди в темноте.
Спят наши любимые, мальчики наши,
А нас обнимают не те...
Одни — помоложе, другие — постарше
Вот только ровесников нет.
Спят наши ровесники, воины наши —
Им все по семнадцати лет...

ОСТАНЬСЯ В ЮНОСТИ, СОЛДАТ!

(Диптих)

I. ЧТОБ ВСТАТЬ

Себе дал команду «Вперед!»
Израненный мальчик в шинели.
Глаза, голубые, как лед,
Расширились и потемнели.

Себе дал команду «Вперед!»,

На танки пошел с автоматом...
Сейчас он, сейчас упадет,
Чтоб встать Неизвестным Солдатом.

2. ЛЮБИМОЙ

Хоть гордиться могу я судьбою,
Хоть погиб в справедливом бою,
Все же, так виноват пред тобою
Я за женскую долю твою!

Как я верил, что встречу победу,
Как шагал я к тебе по войне!..
Горько жить нашим девушкам бедным
С одиночеством наедине...

«СМИРНАЯ»

(Поэма)

В июне 1944-го была принята последняя радиogramма Смирной — радистки Кима: «Следуем программе...» Под именем Кима в немецком тылу работал советский разведчик Кузьма Гнедаш, под именем Смирной — Клара Давидюк, москвичка с Ново-Басманной улицы.

ПРОЛОГ

Я в году родилась том самом,
Что и Клара. Сто лет назад
Нас возили на санках мамы
В скромный Бауманский сад.

От вокзалов тянуло чадом,
Вдаль гудок паровозный звал.
Мы и жили почти что рядом,
Разделял нас один квартал.

В том московском районе старом
Каждый домик мне был знаком.
На Басманную часто, Клара,
Я ходила за молоком.

Ты напротив жила молочной,
Мы встречались не раз, не пять.
Если б знала я! Если б!.. Впрочем,
Что тогда я могла бы знать?..

НАЧАЛО

Застенчивость. Тургеневские косы.
Влюбленность в книги, звезды, тишину.
Но отрочество поездом с откоса

Вдруг покатилося с грохотом в войну.

Напрасно дочек умоляют дома,
Уже не властен материнский взгляд —
У райвоенкоматов и райкомов
Тургеневские девушки стоят.

Какие удивительные лица
Военкоматы видели тогда!
Текла красавиц юных череда —
Казалось, выпал жребий им родиться
В пуховиках «дворянского гнезда».
Казалось, благородство им столетья
Вложили в поступь, в жесты, в легкий стан.
Где взяли эту стать рабочих дети,
И крепостных праправнучки крестьян?..
Все шли и шли они — из средней школы,
С филфаков, из МЭИ и из МАИ —
Цвет юности, элита комсомола,
Тургеневские девушки мои!
И там тебя я видела, наверно,
Да вот запомнить было ни к чему.
Крутился времени жестокий жернов,
Шла школьница к бессмертью своему.

На нежных скулах отсветы пожара,
Одно желанье —

Поскорее в бой!..

Вошла к секретарю райкома Клара

И принесла шестнадцать лет с собой.

И секретарь глядит, скрывая жалость:

«Ребенок. И веснушки на носу...»

Москва. Райком. Так это начиналось.

А в партизанском кончилось лесу...

КОНЕЦ

Предсказывая близкую победу,

Уже салюты над Москвой гремят,

А здесь идут каратели по следу,

Вот-вот в ловушку попадет отряд.

Такое было много раз и ране —

Не первый день в лесу товарищ Ким.

Но он сейчас шальнойю пулей ранен,

Ему не встать с ранением таким.

«Всем уходить!»— приказ исполнят Кима,

И только ты не выполнишь приказ,

И будешь в первый раз неумолима,

И будешь ты такой в последний раз...

Ким все поймет, но, зажимая рану,

Еще попросит: «Клара, уходи!»

Сжав зубы, девушка с пустым наганом,
Бледнея, припадет к его груди.
Потом, уже нездешними глазами
Взглянув в его нездешнее лицо,
Пошлет в эфир: «Мы следуем программе» —
И у гранаты выдернет кольцо...

ГОЛОС КЛАРЫ

К. Давидюк и К. Гнедаша похоронили вместе в центре белорусского города Слоним.

Никогда и никто
Разлучить нас друг с другом не сможет,
Нас война повенчала
В солдатской могиле одной.
Кто за право быть вместе
Платил в этом мире дороже?—
За него заплатили мы
Самой высокой ценой.
Каждый год по весне
К нам сбегаются маки, алея,
Полыхают тюльпаны,
Пионы сгорают до тла...
Ни о чем не жалею,
Нет, я ни о чем не жалею:
Я счастливой была,
Я счастливою, мама, была!

ЭПИЛОГ

Уже смягчили боль десятилетия,
Лишь на Басманной так же плачет мать.
Шумят за окнами чужие дети,
Фронтовики приходят помолчать.

Еще доски мемориальной нету...
И все ж, пробившись через толщу лет,
Вдруг вспыхнуло звездой имя это
И в душах яркий прочертило след.

А я бессонной вспоминаю ночью,
Что мы встречались — и не раз, не пять.
Когда бы знала я тогда!.. Но, впрочем,
Что я тогда могла о Кларе знать?

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ЖИЗНЬ...

Порошили снега,
Затяжные дожди моросили,
Много раз соловьи
Возвещали о новой весне...
Ясноглазые парни —

Кристалльная совесть России,
Не дают мне стоять
От житейских тревог в стороне.

А когда покачнусь
(И такое бывает порою),
Незаметно помогут,
Спокойно поддержат меня
Ясноглазые парни,
Которых военной сestroю
Мне пришлось бинтовать,
Довелось выносить из огня.

Продолжается жизнь.
И нельзя в стороне оставаться,
Потому что за мной
Боевым охраненьем стоят
Ясноглазые парни,
Которым навек восемнадцать —
Батальоны домой
Никогда не пришедших солдат.

«Колдует тропинка лесная...»

Колдует тропинка лесная
Над шалою талой водой...

Я зависти к юным не знаю —
Была в свой черед молодой.

И шла наша молодость к маю
По самой Великой войне.
Я зависти к юным не знаю —
Пускай позавидуют мне!

«Мне близки армейские законы...»

Мне близки армейские законы,
Я недаром принесла с войны
Полевые мятые погоны
С буквой «Т» — отличьем старшины.

Я была по-фронтовому резкой,
Как солдат, шагала напролом,
Там, где надо б тоненькой стамеской,
Действовала грубым топором.

Мною дров наломано немало,
Но одной вины не признаю:
Никогда друзей не предавала —
Научилась верности в бою.

«Я — ТАНЯ»

Нежный рот и упрямые брови —
Восемнадцать девчоночьих лет.
В партизанских лесах Подмосковья
Никогда не сотрется твой след.

Олененок с большими глазами,
Смуглых щек полудетский овал...
Посылал командир на задание —
Оказалось, в бессмертье послал.

Ты попалась гестаповцам в лапы —
Тяжелей не придумать беды.
И палач раскаленную лампу
Подносил тебе вместо воды.

Сапогами девчушку топтали:
— Где другие бандиты, ответь!
Как зовут? Ты откуда?
— Я — Таня.
Где другие? Готовят вам смерть!

И по снегу ногами босыми,

Крепко сжав окровавленный рот,
Как на трон, партизанка России
На высокий взошла эшафот.

Огляделась: «Что плачете, люди!
Наши близко! Они отомстят...»
Ветер осени слезы мне студит —
Было б нынче тебе шестьдесят.

Нет, осталась ты юною, слышишь?
Над тобою не властны года.
В небе Вечности всходишь все выше
Комсомольская наша звезда!

«Когда проходят с песней батальоны...»

Когда проходят с песней батальоны,
Ревнивым взглядом провожаю строй —
И я шагала так во время оно
Военной медицинскою сестрой.

Эх, юность, юность! Сколько отмахала
Ты с санитарной сумкой на боку!..
Ей-богу, повидала я немало
Не на таком уж маленьком веку.

Но ничего прекрасней нет, поверьте
(А было всяко в жизни у меня!),
Чем защитить товарища от смерти
И вынести его из-под огня.

«А годы, как взводы, идут в наступление...»

А годы, как взводы, идут в наступление...
Ворчит мой комбат: «Опухают колени,
И раны болят, и ломает суставы...»
А ты поднимись, как у той переправы,
У той переправы в районе Ельца,
Где ты батальон выводил из кольца!

Комбат мой качает висками седыми:
— Мы были тогда, как щенки, молодыми,
И смерть, как ни странно, казалась нам проще —
Подумаешь, пули невидимый росчерк!

Комбат, что с тобой? Ты не нравишься мне!
Забыл ты, что мы и сейчас на войне.
Что годы, как взводы, идут в наступление...
А ты примиришься с мыслью о плене —
О плене, в который нас время берет...

А может, скомандовать сердцу: «Вперед!»
А может быть, встать, как у той переправы?
Плевать, что скрипят, как протезы, суставы!

Он чиркает спичкой, он прячется в дыме,
Он молча качает висками седыми...

«Я, признаться, сберечь не сумела шинели...»

Я, признаться, сберечь не сумела шинели
На пальто перешили служивую мне.
Было трудное время. К тому же хотели
Мы скорее забыть о войне.

Я пальто из шинели давно износила,
Подарила я дочке с пилотки звезду.
Но коль сердце мое тебе нужно, Россия,
Ты возьми его, как в сорок первом году!

ЗВАНЫЙ ОБЕД

Екатерине Новиковой — «Гвардии Катюше»

Над Россией шумели крыла похоронок,

Как теперь воробьиные крылья шумят.
Нас в дивизии было шестнадцать девчонок,
Только четверо нас возвратилось назад.
Через тысячу лет, через тысячу бед
Собрались ветераны на званый обед.
Собрались мы у Галки в отдельной квартире,
Галка-снайпер — все та же: веснушки, вихры.
Мы, понятно, сварили картошку в мундире,
А Таисия где-то стрельнула махры.
Тася-Тасенька, младший сержант, повариха.
Раздобрела чуток, но все так же легка.
Как плясала ты лихо!
Как рыдала ты тихо,
Обнимая убитого паренька...
Здравствуй, Любка-радист!
Все рвалась ты из штаба,
Все терзала начальство:
«Хочу в батальон!»
Помнишь батю?
Тебя пропесочивал он:
— Что мне делать с отчаянной этою бабой.
Ей, подумайте, полк уже кажется тылом!
Ничего, погарцуешь и здесь, стригунок!—
...Как теперь ты, Любаша?
Небось поостыла
На бессчетных ухабах житейских дорог?..
А меня в батальоне всегда величали
Лишь «помощником смерти»—
Как всех медсестер...
Как живу я теперь?

Как корабль на причале —
Не хватает тайфунов и снится простор...
Нас в дивизии было шестнадцать девчонок,
Только четверо нас возвратилось назад.
Над Россией шумели крыла похоронок,
Как теперь воробьиные крылья шумят.

Если мы уцелели — не наша вина:
У тебя не просили пощады, Война!

«Все грущу о шинели...»

Все грущу о шинели,
Вижу дымные сны —
Нет, меня не сумели
Возвратить из войны.

Дни летят, словно пули,
Как снаряды — года...
До сих пор не вернули,
Не вернут никогда.

И куда же мне деться?—
Друг убит на войне,
А замолкшее сердце

Стало биться во мне.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Пролетели дни, как полустанки,
Где он, черный сорок первый год?—
Кони, атакующие танки,
Над Москвой горящий небосвод?

А снега белы, как маскхалаты,
А снега багровы, как бинты.
Падают безвестные солдаты
Возле безымянной высоты.

Вот уже и не дымится рана,
Исчезает облачко у рта...
Только, может быть, не безымянна
Крошечная эта высота?—
Не она ль Бессмертием зовется?..

Новые настали времена,
Глубоки забвения колодцы,
Но не забывается война,

Вот у Белорусского вокзала
Эшелон из Прошлого застыл.
Голову склонили генералы
Перед Неизвестным и Простым
Рядовым солдатом,
Что когда-то
Рухнул на бегу у высоты...

Вновь снега белы, как маскхалаты,
Вновь снега багровы, как бинты.
Вот он, не вернувшийся из боя,
Вышедший на линию огня
Для того, чтоб заслонить собою
Родину, столицу и меня.

Кто он? Из Сибири, из Рязани?
Был убит в семнадцать, в сорок лет?..
И седая женщина глазами
Провожает траурный лафет.

«Мальчик мой!»— сухие губы шепчут,
Замирают тысячи сердец.
Молодые вздрагивают плечи:
«Может, это вправду мой отец?»

Никуда от Прошлого не деться,

Вновь Война стучится в души к нам.

Обжигает, обжигает сердце

Благодарность с болью пополам.

Голову склонили генералы,

Каждый посуровел и затих...

Неизвестный воин, не мечтал он

Никогда о почестях таких —

Неизвестный парень,

Что когда-то

Рухнул на бегу у высоты...

Вновь снега белы, как маскхалаты,

Вновь снега багровы, как бинты...

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

До сих пор не совсем понимаю,

Как же я, и худа, и мала,

Сквозь пожары к победному Маю

В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы

Даже в самых слабейших из нас?..

Что гадать! — Был и есть у России

Вечной прочности вечный запас.

«Окончился семьдесят третий...»

Окончился семьдесят третий —

В какую я даль забрела!

На яростной этой планете

Еще мне ворочать дела.

И сердце пока не устало,

И щеки, как прежде, горят.

И надо для счастья так мало —

Работу да любящий взгляд.

И снова уводит дорога

Туда, где стихов целина.

И надо для счастья так много —

Сознание, что людям нужна.

«ДЕВОЧКИ»

«Девочки» в зимнем курзале

Жмутся по стенкам одни.

Жаль, что путевки вам дали

В эти ненастные дни!
И далеко кавалеры!—
Им не домчатся до вас...
Тетушка Настя
Тетушку Веру
Просит галантно на вальс.
Возле палаток санбата,
Хмелем Победы пьяны,
Так же кружились
Два юных солдата,
Два ветерана войны.
С Настенькой Вера,
С Верочкой Настя —
Плача, кружились они.
Верилось в счастье,—
В близкое счастье —
Жмутся по стенкам одни...
Ах, далеко кавалеры!—
Им не домчатся до вас.
Тетушку Настю
С тетушкой Верой
Кружит безжалостный вальс.
Скроешь ли времени меты?
Молодость только одна...
Кружит подружек не музыка —
Это
Кружит их, кружит Война...

«Нет, это не заслуга, а удача...»

Нет, это не заслуга, а удача —

Стать девушке солдатом на войне.

Когда б сложилась жизнь моя иначе,

Как в День Победы стыдно было б мне!

С восторгом нас, девчонок, не встречали:

Нас гнал домой охрипший военком.

Так было в сорок первом. А медали

И прочие регалии — потом...

Смотрю назад, в продымленные дали:

Нет, не заслугой в тот зловещий год,

А высшей честью школьницы считали

Возможность умереть за свой народ.

КАССИР

Он много лет сидит в своей сберкассе,

Возможно — двадцать, может — двадцать пять.

Он хром. И лысина его не красит.

Ему рукой до пенсии подать.

Сидит всегда в сатиновом халате,

Пиджак и брюки истово храня.
Полтинник без раздумий не истратит,
Свою жену боится, как огня.

Но в День Победы, пробудясь до света,
Он достает, торжественен и строг,
Из старого потертого планшета
С отбитою эмалью орденок.

Потом стоит он в театральном сквере
Часами, с непокрытой головой —
Стоит комбат, и веря и не веря
Во встречу с молодостью фронтовой.

«В слепом неистовстве металла...»

В слепом неистовстве металла,
Под арналетами, в бою
Себя бессмертной я считала
И в смерть не верила свою.

А вот теперь — какая жалость!—
В спокойных буднях бытия
Во мне вдруг что-то надломалось,
Бессмертье потеряла я...

О, вера юности в бессмертье —
Надежды мудрое вино!..
Друзья, до самой смерти верьте,
Что умереть вам не дано!

«Ни от себя, ни от других не прячу...»

Ни от себя,
Ни от других не прячу
Отчаянной живучести секрет:
Меня подстегивают неудачи,
А в них, спасибо, недостатка нет...

Когда выносят раненой из боя,
Когда в глазах темнеет от тоски,
Не опускаю руки,
А до боли
Сжимаю зубы я
И кулаки.

НАШЕ — НАМ!

Наше — нам, юность — юным, и мы не в обиде. Сергей Орлов

Пусть певичка смешна и жеманна,
Пусть манерны у песни слова,—
В полуночном чаду ресторана
Так блаженно плывет голова.
Винограда тяжелые гроздья
Превратились в густое вино,
И теперь по артериям бродит,
Колобродит, бунтует оно.
А за маленьким столиком рядом
Трое бывших окопных солдат
Невеселым хмелеющим взглядом
На оркестр и певичку глядят.
Я, наверное, их понимаю:
Ветераны остались одни —
В том победном ликующем мае,
В том проклятом июне они...
А смешная певичка тем часом
Продолжает шептать о весне,
А парнишка в потертых тыхасах
Чуть не сверстницу видит во мне!
В этом спутник мой искренен вроде,
Лестно мне и немного смешно.
По артериям весело бродит,
Колобродит густое вино.
А за маленьким столиком рядом
Двое бывших окопных солдат
Немигающим пристальным взглядом
За товарищем вставшим следят.
Ну а тот у застывшей певицы

Отодвинул молчком микрофон
И, гранатой, в блаженные лица
Бросил песню забытую он —
О кострах на снегу, о шинели
Да о тех, кто назад не пришел...
И глаза за глазами трезвели,
И смолкал вслед за столиком стол.
Замер смех, и не хлопали пробки.
Тут оркестр очнулся, и вот
Поначалу чуть слышно и робко
Подхватил эту песню фагот,
Поддержал его голос кларнета.
Осторожно вступил контрабас...
Ах, нехитрая песенка эта,
Почему будоражишь ты нас?
Почему стали строгими парни
И никто уже больше не пьян?..
Не без горечи вспомнил ударник,
Что ведь, в сущности, он — барабан,
Тот, кто резкою дробью в атаку
Поднимает залегших бойцов.
...Кто-то в зале беззвучно заплакал,
Закрывая салфеткой лицо.
И певица в ту песню вступила,
И уже не казалась смешной...
Ах, какая же все-таки сила
Скрыта в тех, кто испытан войной!

Вот мелодия, вздрогнув, погасла,

Словно чистая вспышка огня.
Знаешь, парень в современных техасах,
Эта песенка и про меня.
Ты — грядущим, я прошлым богата.
Юность — юным, дружок, наше — нам.
Сердце тянется к этим солдатам,
К их осколкам и к их орденам.

«Я порою себя ощущаю связной...»

Я порою себя ощущаю связной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной.
И хотя пятилетки бегут
Торопясь,
Все тесней эта связь,
Все прочней эта связь.

Я — связная.
Пусть грохот сражения стих:
Донесеньем из боя
Остался мой стих —
Из котлов окружений,
Пропастей поражений
И с великих плацдармов
Победных сражений.

Я — связная.

Бреду в партизанском лесу,

От живых

Донесенье погибшим несу:

«Нет, ничто не забыто,

Нет, никто не забыт,

Даже тот,

Кто в безвестной могиле лежит».

«За утратою — утрата...»

За утратою — утрата,

Гаснут сверстники мои.

Бьют по нашему квадрату

Хоть давно прошли бои.

Что же делать? — вжавшись в землю.

Тело брэнное беречь?..

Нет, такого не приемлю,

Не об этом вовсе речь.

Кто осилил сорок первый,

Будет драться до конца.

Ах, обугленные нервы,

Обожженные сердца!..

«Кричу, зову — не долетает зов...»

Кричу, зову — не долетает зов.

Ушли цепочкою, шаг в шаг впечатав,

Как будто на разведку в тыл врагов.

Солдат Сергей Сергеевич Смирнов,

Солдат Сергей Сергеевич Орлов,

Солдат Сергей Сергеич Наровчатов.

Зову. Опять лишь тишина в ответ.

Но и она кричит о побратимах.

Кто говорит — незаменимых нет?

Забудьте поскорее этот бред:

Нет заменимых, нету заменимых!

«И странно, и не странно...»

И странно, и не странно —

Мне говорит она:

«Зовут меня Татьяна,

Фамилия — Война».

...Есть в этом, право, что-то —

Мне отвечает он:

«Фамилия — Пехота,

Зовут меня Семен».

...Могут представить живо,

Как все произошло:

Затоптанная нива,

Отбитое село.

Девчонки из санбата

Застыли, не дыша:

Как гадкие утята,

Два тощих малыша

Откуда-то прибились,

Измучены до слез...

Их, бедолажек, «Виллис»

Потом в тылы увез.

В приемнике детдома

Лишь удалось узнать.

Что мальчугана — Семей,

Девчушку — Таней звать.

Постановили с лёту

(Нет, надо же суметь!)

«Войною» и «Пехотой»

Именовать их впредь...

Вторая мировая,

Ты все-таки живешь!

Права я, не права я,

Но в сердце мне, как нож,

Когда промолвит кто-то,

Добавив имена:

«Фамилия — Пехота,

Фамилия — Война».

В ДАЛЬНОМ УГОЛКЕ ДУШИ

Леониду Кривошекову, однополчанину, ныне писателю

Как он отглажен, все на нем блестит —

Нет, вы на фото только поглядите:

Мой командир санвзвода Леонид,

Что в переводе значит «победитель».

Тебя другим видала, командир,

Я после контратаки отраженной:

В шинелишке, светящейся от дыр,

Осколками и пулями прожженной.

В одной траншее нас свела война.

Тебе — за двадцать, ну, а мне —

под двадцать.

Была в тебя по-детски влюблена:

Теперь могу в таком грехе признаться.

И, может, чище не было любви.

Чем в этой грязной и сырой траншее...

Ах, юность, юность! — только позови:

Я сразу бросилась бы к ней на шею.

И сразу стала бы такой смешной —
До глупости застенчивой и строгой...
Уже вся жизнь, пожалуй, за спиной,
Иду своей, а ты — своей дорогой.

Но в дальнем уголке души стоит
Иконкой потемневшей (не судите!)
Мой командир санвзвода Леонид,
Что в переводе значит «победитель».

«Пожилых не помню на войне...»

Пожилых не помню на войне,
Я уже не говорю про старых.
Правда, вспоминаю, как во сне,
О сорокалетних санитарях.
Мне они, в мои семнадцать лет,
Виделись замшелыми дедками.
«Им, конечно, воевать не след,—
В блиндаже шушукались с годками.—
Побинтуй, поползай под огнем,
Да еще в таких преклонных летах!»

Что ж, годки, давайте помянем
Наших «дедов», пулями отпетых.
И в крутые, злые наши дни
Поглядим на тех, кому семнадцать.
Братцы, понимают ли они,
Как теперь нам тяжело сражаться?—
Побинтуй, поползай под огнем,
Да еще в таких преклонных летах!..
Мой передний край —
Всю жизнь на нем
Быть тому, кто числится в поэтах.
Вечно будет жизнь давать под дых,
Вечно будем вспыхивать, как порох.

Нынче щеголяют в «молодых»
Те, кому уже давно за сорок.

ОТ ИМЕНИ ПАВШИХ

(На вечере поэтов, погибших на войне)

Сегодня на трибуне мы — поэты,
Которые убиты на войне,
Обнявшие со стоном землю где-то
В своей ли, в зарубежной стороне.
Читают нас друзья-однополчане,
Сединами они убелены.
Но перед залом, замершим в молчанье,

Мы — парни, не пришедшие с войны.
Спят «юпитеры», а нам неловко —
Мы в мокрой глине с головы до ног.
В окопной глине каска и винтовка,
В проклятой глине тощий вещмешок.
Простите, что ворвалось с нами пламя,
Что еле-еле видно нас в дыму,
И не считайте, будто перед нами
Вы вроде виноваты, — ни к чему.
Ах, ратный труд — опасная работа,
Не всех ведет счастливая звезда.
Всегда с войны домой приходит кто-то,
А кто-то не приходит никогда.
Вас только краем опалило пламя,
То пламя, что не пощадило нас.
Но если б поменялись мы местами,
То в этот вечер, в этот самый час,
Бледнея, с горлом, судорогой сжатым,
Губами, что вдруг сделались сухи,
Мы, чудом уцелевшие солдаты,
Читали б ваши юные стихи.

МОЙ КОМИССАР

Не в войну, не в бою,
Не в землянке санвзвода —
В наши мирные дни,
В наши мирные годы

Умирал комиссар...
Что я сделать могла?..
То кричал он в бреду:
— Поднимайтесь, ребята!—
То, в сознание придя.
Бормотал виновато:
— Вот какие, сестренка, дела...

До сих пор он во мне
Еще видел сестренку —
Ту, что в первом бою
Схоронилась в воронку,
А потом стала «справным бойцом»,
Потому что всегда впереди,
Словно знамя,
Был седой человек
С молодыми глазами
И отмеченным шрамом лицом.

След гражданской войны —
Шрам от сабли над бровью...
Может быть, в сорок первом,
В снегах Подмосковья
Снова видел он юность свою
В угловатой девчонке —
Ершистом подростке,
За которым тревожно,
Внимательно, жестко

Все следил краем глаза в бою...

Не в эпохе,

Военным пожаром объятай,

Не от раны в бою —

От болезни проклятой

Умирал комиссар...

Что я сделать могла?..

То кричал он, забывшись:

— За мною, ребята!—

То, в себя приходя,

Бормотал виновато:

— Вот какие, сестренка, дела...

Да, солдаты!

Нам выпала трудная участь —

Провожать командиров,

Бессилием мучась:

Может, это больней, чем в бою?..

Если б родину вновь

Охватили пожары,

Попросила б направить меня

В комиссары,

Попросилась бы в юность свою!

НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ СЕМЕНА ГУДЗЕНКО

Нас не нужно жалеть, ведь и мы б никого не жалели,
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.

С. Гудзенко

Мы не трусы. За жизнь заплатили хорошую цену.
А стоим за кулисами робки, строги и тихи.
Так волнуемся, будто впервые выходим на сцену —
Мы, солдаты, читаем ушедшего друга стихи.

Я и впрямь разреветься на той трибуне готова.
Только слышу твой голос: «Не надо, сестренка,
держишься!»

Был ты весел и смел, кареглазый наш
правофланговый,
По тебе мы равнялись всю юность, всю зрелость,
всю жизнь.

И в житейских боях мы, ей-богу, не прятались
в щели.

Молча шли напролом, стиснув зубы, сжигали мосты.
Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией во всякое время чисты.

ПАМЯТИ ВЕРОНИКИ ТУШНОВОЙ

Прозрачных пальцев нервное сплетенье,
Крутой излом бровей, усталость век,
И голос — тихий, как сердцебиенье,—
Такой ты мне запомнилась навек.

Была красивой — не была счастливой.
Бесстрашная — застенчивой была...
Политехнический. Оваций взрывы.
Студенчества растрепанные гривы.
Поэты на эстраде, у стола.

Ну, Вероника, сядь с ведущим рядом,
Не грех покрасоваться на виду!
Но ты с досадой морщишься: «Не надо!
Я лучше сзади, во втором ряду».

Вот так всегда: ты не рвалась стать «первой»,
Дешевой славы не искала, нет,
Поскольку каждой жилкой, каждым нервом
Была ты божьей милостью поэт.

БЫЛА! Трагичней не придумать слова,
В нем безнадежность и тоска слились.
Была. Сидела рядышком... И снова
Я всматриваюсь в темноту кулис.

Быть может, ты всего лишь запоздала
И вот сейчас, на цыпочках, войдешь,
Чтоб, зашептавшись и привстав, из зала
Тебе заулыбалась молодежь...

С самой собой играть бесцельно в прятки,
С детсада я не верю в чудеса:
Да, ты ушла. Со смерти взятки гладки.
Звучат других поэтов голоса.

Иные голосистей. Правда это.
Но только утверждаю я одно:
И самому горластому поэту
Твой голос заглушить не суждено,
Твой голос — тихий, как сердцебиенье.
В нем чувствуется школа поколенья,
Науку скромности прошедших на войне —
Тех, кто свою «карьеру» начинали
В сырой землянке — не в концертном зале,
И не в огне реклам — в другом огне...
И снова протестует все во мне:
Ты горстка пепла? К черту эту мысль!
БЫЛА? Такого не приемлю слова!
И вновь я в ожидании, и снова
Мой взгляд прикован к темноте кулис...

МУЖЕСТВО

Памяти Людмилы Файзулиной

Солдаты! В скорбный час России

Вы рвали за собой мосты,

О снисхожденье не просили,

Со смертью перешли на «ты».

Вы затихали в лазаретах,

Вы застывали на снегу,—

Но женщину представить эту

В шинели тоже я могу.

Она с болезнью так боролась,

Как в окружении дрались.

...Спокойный взгляд, веселый голос —

А знала, что уходит жизнь.

В редакционной круговерти,

В газетной доброй кутерьме

Страшней пустые очи смерти,

Чем в злой блиндажной полутьме...

Нам жилось и дышалось легче,
Оттого, что был рядом друг,
Не умевший сутулить плечи,
По призванию политрук.
Комиссар, что единым словом
Полк поднять бы в атаку мог...
Знаменитый поэт, лавровый
Он с усмешкой носил венки.
Подлецы перед ним смолкали,
Уползали льстецы с пути.
Мог чужую беду руками
Слуцкий запросто развести.
Но рвануло из рук оружие —
Уходила с Земли жена.
Даже им от вселенской стужи
Не была она спасена...
Сам себя присудил к забвению,
Стиснул зубы и замолчал
Самый сильный из поколенья
Гуманистов-однопольчан.
Друг! Беда тебя подкосила,
Но воюет твоя строка.
Словно колокол, над Россией
Бьется сердце политрука.

«„Великий“ — поэт называет поэта...»

«Великий» —

Поэт называет поэта,

Но поздно приходит

Признание это.

Великий не слышит,

Поскольку не дышит,

А если б услышал,

Ответил бы:

— Тише!

Могильная нас разделяет ограда,

Уже ничего, дорогие, не надо.

Спасибо, но поздно,

Простите, но поздно...

А небо так звездно,

А время так грозно...

ДО ТОЙ ПОРЫ

Три верных друга были у меня.

И первый тот, кого всю жизнь любила,

С кем грелась у домашнего огня,

Ни разу не замерзнув, до могилы.

Да, наши руки разорвала смерть,

И все ж меня оплакивать не надо.

Завидовать мне нужно, не жалеть —

С таким, как он, быть четверть века рядом!..

Ушел товарищ светлый фронтовой,
Большой поэт, в быту — ребенок малый.
Над ним с опущенною головой
В почетном карауле я стояла.
С опущенной стояла головой,
А мысль одна виски сверлила снова:
Танкист, в войну остался он живой,
Чтоб вдруг сгореть в огне костра мирского...

Еще ушла подружка школьных лет.
Она звезд с неба, может, не хватала.
Но в ней пылал такой душевный свет! —
Как в лампе тыщевольтного накала...
Зачем, казалось бы, под Новый год
Нам перечитывать ушедших списки?
Затем, что друг лишь до тех пор живет.
Пока его не забывает близкий...

ПУСТЫЕ ПЛЯЖИ

Опять в Крыму предзимнее приволье,
Опять над морем только чаек гам.
Пустые пляжи снова пахнут солью.
А не духами с потом пополам.

Пустые пляжи пахнут вновь озоном...

Напрасно, черный надрывая рот,
В «последнюю экскурсию сезона»
Охрипший рупор «дикарей» зовет.

Пустые пляжи снова пахнут йодом...

Какие там экскурсии, когда
Давно норд-остам полуостров отдан
И рыбаки готовят невода?

Пустые пляжи в ноябре угрюмы.

Оставшись с осенью наедине,
Они уже не отгоняют думы
О вечности, о смерти, о войне.

О том, как падали в песках сыпучих,

У кромки волн, десантные войска...

Пустые пляжи,
Снеговые тучи.

Тревожное мерцанье маяка.

«На улице Десантников живу...»

На улице Десантников живу,

Иду по Партизанской за кизилом.
Пустые гильзы нахожу во рву —
Во рву, что рядом с братскою могилой.

В глухом урочище туман, как дым,
В оврагах расползается упрямо.
Землянок полустертые следы,
Окопов чуть намеченные шрамы.

В костре сырые ветки ворошу,
Сушу насквозь промоченные кеды,
А на закате в городок спешу —
На площадь Мира улицей Победы.

«Уклончивость — она не для солдата...»

Уклончивость — она не для солдата,
Коль нет, так нет,
А если да, то да.
Ведет меня и ныне, как когда-то,
Единственная красная звезда.

И что бы в жизни ни случилось, что бы —
Осуждены солдатские сердца
Дружить до гроба,

И любить до гроба,
И ненавидеть тоже до конца...

«БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ»

Полицай не пропадал без вести.
Пропадал без вести партизан —
Может, он погиб на поле чести,
Может, в хате лесника от ран...

Полицаи сроки отсидели
И вернулись на родимый двор.
Сыновья «пропавших» посидели —
Рядом с ними тенью брел Укор.

Ведь «без вести» это как «без чести»...
Может, хватит им душевных ран?—
Полицай не пропадал без вести,
Пропадал без вести партизан.

Вышло время формуле жестокой —
Нынче «без вести пропавших» нет.
Пусть они вернуться — к локтю локоть —
Те, что сорок пропадали лет.

Пусть войною согнутые вдовы
На соседей с гордостью глядят.
Вышло время формуле суровой —
Нет «пропавших без вести» солдат!

...Здесь застыли в карауле дети,
Здесь молчим мы, голову склоня,
И следим, как раздувает ветер
Скорбный пламень Вечного огня.

«На краю Измайловского парка...»

На краю Измайловского парка,
Под гармонь, ознобною весной
Падеспань, тустеп танцуют пары —
Кавалеры блещут сединой.

Пусть они богаты лишь годами...
Не скрывает лет своих никто,
Порошком натертые медали
С гордостью навесив на пальто.

Дамы — не сдающиеся тоже,
Как пилотку носят седину...

Сотрясает ветер крупной дрожью
Хрупкую ознобную весну.

А деревья головой качают —
На опушке леса, на краю
Празднуют опять однополчане
Возвращенье в молодость свою.

На душе торжественно и чисто.
Словно Вечный в ней зажгли огонь...
Хорошо, что не вопит транзистор,
А рыдает старая гармонь.

ГЕОЛОГИНЯ

Ветер рвет светло-русую прядку,
Гимнастерка от пыли бела.
Никогда не была ты солдаткой,
Потому что солдатом была.

Не ждала, чтоб тебя защитили,
А хотела сама защищать.
Не желала и слышать о тыле —
Пусть царапнула пуля опять.

...Побелела от времени прядка,
И штормовка от пыли бела.
Снова тяжесть сапог, и палатка,
И ночевка вдали от села.

Снова с первым лучом подниматься,
От усталости падать не раз,
Не жалела себя ты в семнадцать,
Не жалеешь себя и сейчас.

Не сочувствуйте — будет обидой,
Зазвонит в ломком голосе лед,
Скажет: «Лучше ты мне позавидуй!»
И упругой походкой уйдет.

И от робости странной немея
(Хоть суров и бесстрастен на вид),
Не за юной красоткой — за нею
Бородатый геолог следит...

«Снег намокший сбрасывают с крыши...»

Снег намокший сбрасывают с крыши,
Лед летит по трубам, грохоча.

Вновь на Пушкинском бульваре слышу
Песенку картавую грача.

Что еще мне в этом мире надо?
Или, может быть, не лично мне
Вручена высокая награда —
Я живой осталась на войне?

Разве может быть награда выше?
Много ли вернулось нас назад?..
Это счастье —
Вдруг сквозь сон услышать.
Как капли в дверь Весны стучат!

«И я, конечно, по весне тоскую...»

И я, конечно, по весне тоскую,
Но искушитель Мефистофель слаб:
Пусть предложил мне цену хоть какую —
Окопной юности не отдала б!
Пусть предложил бы:
— Хочешь восемнадцать,
Отдав взамен окопные года?..—
Я б только усмехнулась:
Сторговаться
Со мною не сумеешь никогда!

На тех весах, где боль и честь народа,
На тех весах, точней которых нет,
Четыре страшных и прекрасных года
В душе перетянули сорок лет.
Без этих лет я — море без прибоя.
Что я без них? — дровишки без костра.
Лишь тот постиг, что значила «сестра»,
Кто призывал ее на поле боя.
И разве слово гордое «поэт»
Со скромным этим именем сравнится?

Четыре года. После — сорок лет.
Погибших молодеющие лица...

«Мне еще в начале жизни повезло...»

Мне еще в начале жизни повезло,
На свою не обижаюсь я звезду.
В сорок первом меня бросило в седло,
В сорок первом, на семнадцатом году.
Жизнь солдата, ты — отчаянный аллюр:
Марш, атака, трехминутный перекур.

Как мне в юности когда-то повезло,
Так и в зрелости по-прежнему везет —
Наше чертово святое ремесло

Распускать поводья снова не дает.
Жизнь поэта, ты — отчаянный аллюр:
Марш, атака, трехминутный перекур.

И, ей-богу, просто некогда стареть,
Хоть мелькают полустанками года...
Допускаю, что меня догонит смерть,
Ну, а старость не догонит никогда!
Не под силу ей отчаянный аллюр:
Марш, атака, трехминутный перекур.

КАПЕЛИ, КАПЕЛИ ЗВЕНЯТ В ЯНВАРЕ

«Я не привыкла, чтоб меня жалели...»

Я не привыкла, чтоб меня жалели,
Я тем гордилась, что среди огня
Мужчины в окровавленных шинелях
На помощь звали девушку, меня.

Но в этот вечер, мирный, зимний, белый,
Припоминать былое не хочу.
И женщиной — растерянной, несмелой
Я припадаю к твоему плечу.

«Не знаю, где я нежности училась...»

Не знаю, где я нежности училась,—

Об этом не расспрашивай меня.

Растут в степи солдатские могилы,

Идет в шинели молодость моя.

В моих глазах — обугленные трубы.

Пожары полыхают на Руси.

И снова

 нецелованные губы

Израненный парнишка закусил.

Нет!

 Мы с тобой узнали не по сводкам

Большого отступления страдаю.

Опять в огонь рванулись самоходки,

Я на броню вскочила на ходу.

А вечером

 над братскою могилой

С опущенной стояла головой...

Не знаю, где я нежности училась,—

Быть может, на дороге фронтовой...

«Я родом не из детства — из войны...»

Я родом не из детства — из войны.

И потому, наверное, дороже,

Чем ты, ценю и радость тишины,

И каждый новый день, что мною прожит.

Я родом не из детства — из войны.

Раз, пробираясь партизанской тропкой,

Я поняла навек, что мы должны

Быть добрыми к любой травинке робкой,

Я родом не из детства — из войны.

И, может, потому незащищенной:

Сердца фронтовиков обожжены,

А у тебя — шершавые ладони.

Я родом не из детства — из войны.

Прости меня — в том нет моей вины...

ВЕСЕННЕЕ

Люди дрожат от стужи

Северной злой весной,
А мне показались лужи
Небом на мостовой.

Я расплескала небо.
Волны бегут гурьбой.
Если ты здесь не был.
Мы побываем с тобой.

Мы побываем всюду:

Кто уцелел в огне,
Знает,

что жизнь —

чудо.

Молодость —

чудо вдвойне.

«Худенькой нескладной недотрогой...»

Худенькой нескладной недотрогой

Я пришла в окопные края,

И была застенчивой и строгой

Полковая молодость моя.

На дорогах родины осенней

Нас с тобой связали навсегда
Судорожные петли окружений,
Отданные с кровью города.

Если ж я солгу тебе по-женски,
Грубо и беспомощно солгу,
Лишь напомни зарево Смоленска,
Лишь напомни ночи на снегу.

«В семнадцать совсем уже были мы взрослые...»

В семнадцать совсем уже были мы взрослые —
Ведь нам подрастать на войне довелось...
А нынче сменили нас девочки рослые
Со взбитыми космами ярких волос.

Красивые, черти! Мы были другими —
Военной голодной поры малыши.
Но парни, которые с нами дружили,
Считали, как видно, что мы хороши.

Любимые нас целовали в траншее,
Любимые нам перед боем клялись.
Чумазые, тощие, мы хорошели
И верили: это на целую жизнь.

Эх, только бы выжить!.. Вернулись немногие.

И можно ли ставить любимым в вину,
Что нравятся девочки им длинноногие,
Которые только рождались в войну?

И правда, как могут не нравиться весны,
Цветение, первый полет каблучков,
И даже сожженные краскою космы,
Когда их хозяйкам семнадцать годков.

А годы, как листья осенние, кружатся.
И кажется часто, ровесницы, мне —
В борьбе за любовь пригодится нам мужество
Не меньше, чем на войне...

ДВА ВЕЧЕРА

Мы стояли у Москвы-реки,
Теплый ветер платьем шелестел.
Почему-то вдруг из-под руки
На меня ты странно посмотрел —
Так порою на чужих глядят.
Посмотрел и — улыбнулся мне:
— Ну какой же из тебя Солдат?

Как была ты, право,
На войне?
Неужель спала ты на снегу,
Автомат пристроив в головах?
Я тебя
Представить не могу
В стоптанных солдатских сапогах!..

Я же вечер вспомнила другой:

Минометы били,
Падал снег.
И сказал мне тихо
Дорогой,
На тебя похожий человек:
— Вот лежим и мерзнем на снегу,
Будто и не жили в городах...
Я тебя представить не могу
В туфлях на высоких каблуках...

«Капели, капели звенят в январе...»

Капели, капели
Звенят в январе,
И птицы запели
На зимней заре.
На раме оконной,
Поверив в апрель,

От одури сонной
Опомнился шмель:
Гудит обалдело,
Тяжелый от сна.
Хорошее дело —
Зимою весна!

О солнце тоскуя,
Устав от зимы,
Ошибку такую
Приветствуем мы.
Помедли немножко,
Январский апрель!
...Трет ножку о ножку
И крутится шмель.

И нам ошибаться
Порою дано —
Сегодня мне двадцать
И кровь как вино.
В ней бродит несмело
Разбуженный хмель.
Хорошее дело —
Зимою апрель!

«Есть праздники, что навсегда с тобой...»

Есть праздники, что навсегда с тобой,—
Красивый человек,
Любимый город.
Иль, где-нибудь на Севере — собор,
Иль, может, где-нибудь на Юге — горы.

К ним прикипела намертво душа,
К ним рвешься из житейской суматохи.
И пусть дела мои сегодня плохи,
Жизнь все равно — я знаю! — хороша.

Не говорите:
— Далеко до гор!—
Они со мною на одной планете.
И где-то смотрит в озеро собор.
И есть красивый человек на свете.

Сознание этого острее, чем боль.
Спасибо праздникам, что навсегда с тобой!

«Я люблю тебя злого, в азарте работы...»

А. К.

Я люблю тебя злого, в азарте работы,
В дни, когда ты от грешного мира далек,
В дни, когда в наступленье бросаешь ты роты.
Батальоны, полки и дивизии строк.

Я люблю тебя доброго, в праздничный вечер,
Заводилой, душою стола, тамадой.
Так ты весел и щедр, так по-детски беспечен,
Будто впрямь никогда не братался с бедой.

Я люблю тебя, вписанным в контур трибуны.
Словно в мостик попавшего в шторм корабля,—
Поседевшим, уверенным, яростным, юным —
Боевым капитаном эскадры «Земля».

Ты — землянин. Все сказано этим.
Не чудом — кровью, нервами мы побеждаем
в борьбе.

Ты — земной человек. И, конечно, не чужды
Никакие земные печали тебе.

И тебя не минуют плохие минуты —
Ты бываешь растерян, подавлен и тих.
Я люблю тебя всякого, но почему-то
Тот, последний, мне чем-то дороже других...

ТЫ — РЯДОМ

Ты — рядом, и все прекрасно:

И дождь, и холодный ветер.

Спасибо тебе, моя ясный,

За то, что ты есть на свете.

Спасибо за эти губы,

Спасибо за руки эти.

Спасибо тебе, мой любимый,

За то, что ты есть на свете.

Ты — рядом, а ведь могли бы

Друг друга совсем не встретить...

Единственный мой, спасибо

За то, что ты есть на свете!

«Не встречайтесь с первой любовью...»

Не встречайтесь с первой любовью,

Пусть она останется такой —

Острым счастьем, или острой болью,

Или песней, смолкшей за рекой.

Не тянитесь к прошлому, не стоит —

Все иным покажется сейчас...

Пусть хотя бы самое святое

Неизменным остается в нас.

ЛЮБОВЬ

Опять лежишь в ночи, глаза открыв,

И старый спор сама с собой ведешь.

Ты говоришь:

— Не так уж он красив! —

А сердце отвечает:

— Ну и что ж!

Все не идет к тебе проклятый сон,

Все думаешь, где истина, где ложь...

Ты говоришь:

— Не так уж он умен!—

А сердце отвечает:

— Ну и что ж!

Тогда в тебе рождается испуг,

Все падает, все рушится вокруг.

И говоришь ты сердцу:

— Пропадешь!—

А сердце отвечает:

— Ну и что ж?

«Три дня и четыре ночи...»

Три дня и четыре ночи —

Много ли это, мало?..

Были они короче

Грозных секунд обвала,

Когда никуда не скрыться,

Когда никуда не деться,

От каменного убийцы,

Что вот-вот раздавит сердце.

Три дня и четыре...

Вспомни —

Много ли это, мало?..

Были они объемней

Жизни иной, пожалуй.

Замешано было круто

В них счастье

С приправой боли.

Неполных четверо суток

Наедине с тобою...

«Днем еще командую собою...»

Днем еще командую собою,
А ночами, в беспокойном сне,
Сердце, дезертир на поле боя,
Не желает подчиняться мне.

Сколько можно, сколько можно сниться!

Просыпаюсь, зажигаю свет.
За день отвоеванных позиций
Утром словно не было и нет.

Вновь тревога, снова боль тупая.
А считала, это за спиной.
Как татуировка, проступает
Все, что было вытравлено мной...

«Теперь не умирают от любви...»

Теперь не умирают от любви —
Насмешливая трезвая эпоха.
Лишь падает гемоглобин в крови,
Лишь без причины человеку плохо.

Теперь не умирают от любви —

Лишь сердце что-то барахлит ночами.

Но «неотложку», мама, не зови,

Врачи пожмут беспомощно плечами:

«Теперь не умирают от любви...»

«Все зачеркнуть. И все начать сначала...»

Все зачеркнуть. И все начать сначала,

Как будто это первая весна.

Весна, когда на гребне нас качала

Хмельная океанская волна.

Когда все было праздником и новью

Улыбка, жест, прикосновенье, взгляд...

Ах, океан, зовущийся Любовью,

Не отступай, прихлынь, вернись назад!

«Мне дома сейчас не сидится...»

Мне дома сейчас не сидится,

Любые хоромы тесны.

На крошечных флейтах синицы

Торопят походку весны.

А ей уже некуда деться.

Пускай с опозданием — придет!

...Сегодня на речке и в сердце

Вдруг медленно тронулся лед.

ВЕСНА

Над полями, над лесами

Птичий гомон, детский смех.

Быстро, мелкими зубами

Пилит белочка орех.

Барабанной дробью дятел

Привечает громко нас.

О заботах, об утрате

Позабудем хоть на час.

До чего весною четки

Очертания деревьев!

Две сороки, две трещотки

Тараторят, одурев

От спящей шалой сини,

От сверкающих лучей.

Через камень, выгнув спину,

Гибко прыгает ручей...

Можешь, милый, хмурить брови

Обижаться все вольны.

Но ничто не остановит

Наступление весны.

Это значит, это значит —

Перечеркнут счет обид.
К солнцу, как веселый мячик,
Сердце пусть твое взлетит.
Там, в звенящем поднебесье,
Там, в пустыне голубой,
Только птицы, только песни,
Только мы вдвоем с тобой.
Все печали позабудем
В ликовании весны.
Мы ведь люди, мы ведь люди —
Мы для счастья рождены!

«Ко всему привыкают люди...»

Ко всему привыкают люди —
Так заведено на земле.
Уже не думаешь как о чуде
О космическом корабле.

Наши души сильны и гибки —
Привыкаешь к беде, к войне,
Только к чуду твоей улыбки
Невозможно привыкнуть мне...

«Не бывает любви несчастливой...»

Не бывает любви несчастливой.
Не бывает... Не бойтесь попасть
В эпицентр сверхмощного взрыва,
Что зовут «безнадежная страсть».
Если в души врывается пламя,
Очищаются души в огне.
И за это сухими губами
«Благодарствуй!» шепните Весне.

«Что любят единожды — бредни...»

Что любят единожды — бредни,
Внимательней в судьбы всмотрись.
От первой любви до последней
У каждого целая жизнь.

И, может быть, молодость — плата
За эту последнюю треть:
За алые краски заката,
Которым недолго гореть...

«И когда я бежать попыталась из плена...»

И когда я бежать попыталась из плена

Глаз твоих, губ твоих и волос,
Обернулся ты ливнем и запахом сена,
Птичьим щебетом, стуком колес.

Все закрыты пути, все запутаны тропы —
Так за годом уносится год...
Я лечу в пустоту, перепутаны стропы —
Только дольше бы длился полет!

ДРУГУ

Стиснуты зубы плотно.
Сведены брови круто.
Жесток упрямый волос
Над невеселым лбом.
Весь ты какой-то новый,
Сумрачный, неуютный,
Словно большой, добротный,
Но необжитый дом.

Прячешь глаза в ресницы,
Пристальный взгляд заметив...
С ласковою усмешкой
Думаю я не раз:
«Кто же тебя полюбит,
Кто же в тебя вселится,

Кто же огонь засветит
В окнах широких глаз?»

«Ах, в серенькую птаху...»

Ах, в серенькую птаху
Влюбился вдруг... орел!
Но ахай иль не ахай,
Он счастье в ней обрел.
Глядит не наглядится,
Не сводит круглых глаз
И, гордые орлицы,
Не замечает вас!
Не сводит глаз и тает...
Что в этой птахе есть? —
Сие велика тайна,
Велика тайна есть...

«Объяснений мне не нужно...»

Объяснений мне не нужно,
Зря душою не криви.
Для меня неверность в дружбе
Побольнее, чем в любви.

Хоть не просто это было,
Все же с юношеских лет
Я прощать умела милым,
А друзьям, признаться, нет.

Потому что мы не дети,
Наваждений знаем власть.
Потому что есть на свете
Увлечение и страсть...

Но какое оправданье
Для товарища найдешь,
Если он тебя обманет,
Если он продаст за грош?

Ах, за грош ли, за миллионы,
За высокие чины!..
По неписаным законам
Тяжелее нет вины...

«Колесам сердц
а лихорадочно вторят...»

Колесам сердц
а лихорадочно вторят.

Сползает дымок под откос.
Навстречу ли счастью,
Навстречу ли горю
Торопится паровоз?

О, вечная смена разлук и свиданий!
Догоним ли счастье мы, друг?
А может быть,
Счастье и есть ожиданье —
Колес и сердец перестук?..

«Жизнь моя не катилась величавой рекою...»

Жизнь моя не катилась
Величавой рекою —
Ей всегда не хватало
Тишины и покою.
Где найдешь тишину ты
В доле воина трудной?..
Нет, бывали минуты,
Нет, бывали секунды:
За минуту до боя
Очень тихо в траншее,
За секунду до боя
Очень жизнь хорошеет.
Как прекрасна травинка,
Что на бруствере, рядом!

Как прекрасна!.. Но тишь
Разрывает снарядом.

Нас с тобой пощадили
И снаряды и мины.
И любовь с нами в ногу
Шла дорогою длинной.
А теперь и подавно
Никуда ей не деться,
А теперь наконец-то
Успокоится сердце.
Мне спокойно с тобою.
Так спокойно с тобою,
Как бывало в траншее
За минуту до боя.

ПИШИ МНЕ!

Вновь от тебя нет писем,
Тревогам нет конца.
От милых мы зависим,
Как песня от певца.
От милых мы зависим,
Как парус от ветров.
Вновь от тебя нет писем —
Здоров ли, не здоров?..
Уходит поколенья,

Уходит навсегда.
Уже не в отдаленье
Грохочут поезда —
Они увозят в вечность
Моих однополчан...
Платком укутав плечи,
Шагаю по ночам
Я от стола к постели
И от дверей к окну.

Пиши мне раз в неделю
Хотя б строку одну!

КАК ОБЪЯСНИТЬ?

Как объяснить слепому,
Слепому, как ночь, с рожденья.
Буйство весенних красок,
Радуги наважденье?

Как объяснить глухому,
С рожденья, как ночь, глухому,
Нежность виолончели
Или угрозу грома?

Как объяснить бедняге,
Рожденному с рыбьей кровью,
Тайну земного чуда,
Названного Любовью?

«А я для вас неязвима...»

А я для вас неязвима.

Болезни,

Годы,

Даже смерть.

Все камни — мимо,

Пули — мимо.

Не утонуть мне,

Не сгореть.

Все это потому,

Что рядом

Стоит и бережет меня

Твоя любовь — моя ограда,

Моя защитная броня.

И мне другой брони не нужно,

И праздник — каждый будний день.

Но без тебя я безоружна

И беззащитна, как мишень.

Тогда мне никуда не деться:

Все камни — в сердце,

Пули — в сердце...

РЖАВЧИНА

Я любила твой смех, твой голос.

Я за душу твою боролась.

А душа-то была чужою,

А душа-то была со ржою.

Но твердила любовь: «Так что же?

Эту ржавчину уничтожу».

Были бури. И были штили.

Ах, какие пожары были!

Только вот ведь какое дело —

В том огне я одна горела.

Ржа навеки осталась ржою,

А чужая душа — чужою...

«Мы любовь свою схоронили...»

Мы любовь свою схоронили,

Крест поставили на могиле.

«Слава богу!»— сказали оба...

Только встала любовь из гроба,

Укоризненно нам кивая:

— Что ж вы сделали?

Я — живая!..

ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Пиджак накинул мне на плечи —

Кивком его благодарю.

«Еще не вечер,

Нет, не вечер!»—

Чуть усмехаясь, говорю.

А сердце замирает снова,

Вновь плакать хочется и петь.

...Гремит оркестра духового

Всегда пылающая медь.

И больше ничего не надо

Для счастья,

В предзакатный час,

Чем эта летняя эстрада,

Что в молодость уводит нас.

Уже скользит прозрачный месяц,

Уже ползут туманы с гор.

Хорош усатый капельмейстер,

А если проще — дирижер.

А если проще, если проще:

Прекрасен предзакатный мир!—

И в небе самолета росчерк,

И в море кораблей пунктир.

И гром оркестра духового,

Его пылающая медь.

...Еще прекрасно то, что снова

Мне плакать хочется и петь.

Еще мой взгляд кого-то греет,

И сердце молодо стучит...

Но вечереет, вечереет —

Ловлю последние лучи.

«Двери настежь, сердце настежь...»

Двери настежь, сердце настежь,

Прочь замки, долой засовы!

Я тебе желаю счастья —

Настоящего, большого!

Исцеляя и врачуя.

Пусть шагнет оно навстречу

Так мучительно хочу я,

Чтобы ты расправил плечи!

Чтоб запели в сердце струны —

Те, что заглушили годы,

Чтобы снова стал ты юным
И уверенным и гордым:
Дерзкоглазым, бесшабашным
Лейтенантом желторотым,
Тем, кто бросил в рукопашный
Батальон морской пехоты!
Кто потом, в Парад Победы,
На брусчатке шаг печатал...
А еще могу поведать,
Как ты нравился девчатам!
...Пусть идут в атаку годы,
Пусть испытано немало —
Не пора еще на отдых
Тем, кто вышел в генералы!
Для меня ты бесшабашный
Помкомроты желторотый,
Тот, кто бросил в рукопашный
Батальон морской пехоты!
Распахни же сердце настезь,
Стань самим собою снова:
Ты ли недостойн счастья?—
Настоящего, большого!

«Прошу, любимый мой, прости...»

Прошу, любимый мой, прости,
Когда бываю резковата.
Прошла неженские пути,

И самый первый — путь солдата.

Не при луне, не на гумне —
Безвестный, раненный в траншее,
Припал, как суженый, ко мне.
Обнял отчаянно за шею.

И я, сжав зубы, поползла,
Таща его, в разрывах минных...
И на «гражданке» я была,
Сказать по совести, мужчиной.

Известно только кой-кому,
Что в нищете послевоенной
Слыла «добытчиком» в дому,
Копейке каждой знала цену...

А жизнь поэта — тоже бой,
Опять бойцовская дорога.
...За то, что я резка с тобой.
Меня судить не должен строго:

Не только пламенем войны,
Не только черным сорок первым
Обнажены, обожжены

Искрят обугленные нервы.

«Мир до невозможности запутан...»

Мир до невозможности запутан,
И когда дела мои плохи,
В самые тяжелые минуты
Я пишу веселые стихи.

Ты прочтешь и скажешь:

— Очень мило.

Жизнеутверждающе притом.—

И не будешь знать.

Как больно было

Улыбаться обожженным ртом.

«Мне сегодня, бессонной ночью...»

Мне сегодня, бессонной ночью,
Показалось, что жизнь прошла...
Мой товарищ, памирский летчик,
Как идут у тебя дела?
Не суди меня слишком строго,
Что давно не пишу тебе:
Не забыта она — дорога

От Хорога до Душанбе.
Не забыто, как крупной тряской
Било крошечный самолет,
Как одной кислородной маской
Мы дышали с тобой в черед,
Как накрыл нас туман в ущелье
Узком, длинном, как коридор,
Как отчаянно, на пределе,
Барахливший тянул мотор.
Не пишу. Только помни прочно —
Не оборваны провода...
Неожиданно, поздней ночью,
Позвоню и скажу: «Беда,
Заупрямилась непогода,
Все труднее дышать, браток.
Мне бы чистого кислорода,
Мне бы дружбы твоей глоток!»

«В каком-нибудь неведомом году...»

В каком-нибудь неведомом году
Случится это чудо непременно:
На Землю нашу, милую звезду,
Слетятся гости изо всей Вселенной.

Сплошным кольцом землян окружены,
Пройдут они по улицам столицы.

Покажутся праправнукам странны

Одежды их и неземные лица.

На марсианку с кожей голубой

Потомок мой не сможет наглядеться

Его земная грешная любовь

Заставит вспыхнуть голубое сердце.

Его земная грешная любовь

И марсианки сердце голубое —

Как трудно будет людям двух миров!..

Любимый мой, почти как нам с тобою.

БЕЛЫЙ ФЛАГ

За спором — спор.

За ссорой — снова ссора.

Не сосчитать «атак» и «контратак»...

Тогда любовь пошла парламентаром —

Над нею белый заметался флаг.

Полотнице, конечно, не защита.

Но шла Любовь, не опуская глаз,

И, безоружная, была добита...

Зато из праха гордость поднялась.

«Как тоскуют в ночи поезда...»

Как тоскуют в ночи поезда,
Пролетая угрюмый Сиваш!..
Я тебя никогда не предам.
Ты меня никогда не предашь.
Потому что сквозь жизнь пронесли
Кодекс Верности, Дружбы устав.

Как грустят о портах корабли,
Так тоскуют уста об устах.
В облаках, затерявшись из глаз,
Одинокий грустит самолет.

Знаю, жизнь нас обоих предаст —
Так простим же ее наперед...

«Ты разлюбишь меня...»

Ты разлюбишь меня...
Если все-таки станется это,

Повториться не сможет
Наше первое смуглое лето —
Все в росе по колено,
Все в укусах крапивы...
Наше первое лето —
Как мы были глупы и счастливы!

Ты разлюбишь меня...
Значит, яростной крымской весной,
Партизанской весной
Не вернешься ты в юность со мною.
Будет рядом другая —
Вероятно, моложе, яснее,
Только в юность свою
Возвратиться не сможешь ты с нею.

Я забуду тебя.
Я не стану тебе даже сниться.
Лишь в окошко твое
Вдруг слепая ударится птица.
Ты проснешься, а после
Не сумеешь уснуть до рассвета...

Ты разлюбишь меня?
Не надейся, мой милый, на это!

ВСТРЕЧА

Со своим батальонным
Повстречалась сестра —
Только возле прилавка,
А не возле костра.
Уронил он покупки,
Смяла чеки она,—
Громяхая, за ними
Снова встала Война.

Снова тащит девчонка
Командира в кювет,
По слепающему снегу
Алый тянется след.
Оглянулась — фашисты
В полный двинулись рост...

— Что ж ты спишь, продавщица? —
Возмущается хвост.

Но не может услышать
Этот ропот она,
Потому что все громче
Громяхает Война,
Потому что столкнулись,

Как звезда со звездой,
Молодой батальонный
С медсестрой молодой.

«Легка. По-цыгански гордо...»

Легка. По-цыгански гордо
Откинута голова.
Техасы на узких бедрах,
Очерчена грудь едва.
Девчонка, почти подросток,
Но этот зеленый взгляд! —
Поставленные чуть косо,
По-женски глаза глядят.
В них глубь и угроза моря,
В них отблеск грядущих гроз...
Со смуглою кожей спорит
Пшеничный отлив волос.
Легка, за спиною крылья —
Вот-вот над землей вспорхнет...
Неужто такими были
И мы в сорок первый год?..

ПРОЩАНИЕ

Тихо плакали флейты, рыдали валторны,

Дирижеру, что Смертью зовется, покорны.
И хотелось вдове, чтоб они замолчали —
Тот, кого провожали, не сдался б печали.
(Он войну начинал в сорок первом, комбатом,
Он комдивом закончил ее в сорок пятом.)
Он бы крикнул, коль мог:
— Выше голову, черти!
Музыканты! Не надо подыгрывать смерти!
Для чего мне рапсодии мрачные ваши?
Вы играйте, солдаты, походные марши!

Тихо плакали флейты, рыдали валторны,
Подошла очень бледная женщина в черном.
Всё дрожали, дрожали припухшие губы,
Всё рыдали, рыдали военные трубы.
И вдова на нее долгим взглядом взглянула:
Да, конечно же, эти высокие скулы!
Ах, комдив! Как хранил он поблекшее фото
Тонкошей девчонки, связистки из роты.
Освещал ее отблеск недавнего боя
Или, может быть, свет, что зовется любовью.
Погасить этот свет не сумела усталость...
Фотография! Только она и осталась.
Та, что дни отступленья делила с комбатом,
От комдива в победном ушла сорок пятом,
Потому что сказало ей умное сердце:
Никуда он не сможет от прошлого деться —
О жене затоскует, о маленьком сыне...
С той поры не видала комдива донине.

И встречала восходы, провожала закаты
Все одна да одна — в том война виновата...
Долго снились комдиву припухшие губы,
Снилась шейка, натертая воротом грубым,
И улыбка, и скулы высокие эти...
Ах, комдив! Нет без горечи счастья на свете!..
А жена никогда ни о чем не спросила,
Потому что таилась в ней умная сила,
Потому что была добротою богата,
Потому что во всем лишь война виновата...

Чутко замерли флейты, застыли валторны,
И молчали, потупясь, две женщины в черном...

«НОЛЬ ТРИ»

(Поэма)

Памяти Алексея Каплера

1

Не проклинаю долю вдовью,
Жить не согнувшись буду с ней.
Мне все оплачено любовью
Вперед, до окончания дней.
Да, той единственной, с которой
Сквозь пламя человек идет,
С которой он сдвигает горы,
С которой... головой об лед.

2

«03» —

тревожней созвучья нет.

«03» —

мигалки зловещий свет.

«03» —

ты, доктор и кислород.

Сирена, как на войне, ревет.

Сирена, как на войне, кричит

В глухой к страданиям людским ночи.

3

Все поняла, хотя еще и не был

Объявлен мне твой смертный приговор...

И не обрушилось на землю небо,

И так же птичий заливался хор.

Держала душу — уходило тело.

Я повторяла про себя: — Конец...—

И за тобою в пустоту летела,

И ударялась, как в стекло птенец.

Ты перешел в другое измеренье,

Туда дорогу не нашли врачи,

Туда и мне вовеки не пробиться,

Хоть головой о стену, хоть кричи!

В глазах твоих я свет нездешний вижу,

И голос твой по-новому звучит.

Он подступает — ближе, ближе, ближе!—

Тот день, что нас с тобою разлучит,

А ты... ты строишь планы

Лет на двадцать —

Мне остается лишь кивать в ответ...

Клянусь! Тебе не дам я догадаться,

Что нет тебя, уже на свете нет...

4

В больничной палате угрюмой,

В бессоннице и полусне

Одну только думаю думу,

Одно только видится мне.

Все замки воздушные строю,

Бессильно и горько любя —

Вновь стать фронтовой сестрою

И вызвать огонь на себя.

5

Твержу я любопытным:

— Извините,

Все в норме, нету времени, бегу.

И прячу первые седые нити,

И крашу губы, улыбаюсь, лгу.

Людское любопытство так жестоко!

Совсем не каждому понять дано,

Что смерти немигающее око

И на него в упор устремлено...

6

Безнадежность...

И все ж за тебя буду драться,
Как во время войны в окруженье дрались.
Слышу вновь позывные затухающих раций:
«Помогите, я — Жизнь,
Помогите — я — Жизнь!»

Это битва, хоть дымом не тянет и гарью.
Не строчат пулеметы, не бьет миномет.
Может, несколько месяцев скальпель подарит!
Может быть...
В безнадежность каталка плывет.

Грозно вспыхнула надпись:
«Идет операция!»
Сквозь нее проступает:
«Помогите, я — Жизнь!» —
Безнадежность.
И все ж за тебя буду драться,
Как во время войны в окруженье дрались.

7

Твой слабый голос в телефонной трубке,
Как ниточка, что оборвется вдруг.
Твой слабый голос, непохожий, хрупкий —
Тобою пройден ада первый круг.
Твой слабый голос в трубке телефонной —
И эхо боли у меня в груди.
Звонишь ты из реанимационной,

Чтоб успокоить: «Беды позади».

Твой слабый голос. Тишина ночная.

И нет надежды провалиться в сон...

Все выдержу — но для чего я знаю,

Что к смертной казни ты приговорен?..

8

Таял ты, становился бесплотною тенью,

В совершенстве науку страданья постиг.

И могла ли терять я хотя бы мгновенье,

И могла ли оставить тебя хоть на миг?..

Как солдаты в окопе, отбивались мы вместе.

Умирал ты, как жил — никого не виня.

До последней минуты был рыцарем чести,

До последней: жалел не себя, а меня...

9

Журавлиные эскадрильи,

Агармыш, что врывался во тьму.

Не в Москве тебя хоронили —

В тихом-тихом Старом Крыму.

Я твою выполняла волю...

Громко бился об урну шмель.

Было с кладбища видно поле

И дорога на Коктебель.

Люди плакали, медь рыдала,

Полутьма вытесняла свет.
На дороге лишь я видала
Удалявшийся силуэт.
И ушел ты в слепую темень,
Вслед уплывшему в горы дню.
Я осталась пока что с теми,
С кем потом тебя догоню...

10

Сначала друг, а следом самый близкий
Мне человек ушел в последний путь...
Ну что ж, по крайней мере, нету риска,
Что будет мне больней когда-нибудь.

И все-таки поставить на колени
Судьбе меня не удалось опять.
Ведь я из фронтового поколения —
Мы не умеем руки опускать.

11

Как страшно теперь просыпаться!
Как тягостно из Небытия
В Отчаянье вновь возвращаться —
В страну, где прописана я.
Весь мир превратился в пустыню,
Все выжжено горем дотла.
Какой я счастливой доньине,
Какой я счастливой была!
Хоть горя хлебнула в семнадцать,

Хоть после нелегко был путь...

Как страшно теперь просыпаться,
Как трудно теперь мне уснуть!

12

Я заблудилась на кладбище,
И было жутко слышать мне,
Как погребальный ветер свищет
В потусторонней тишине.

Я заблудилась, заблудилась,
Мне чьи-то слышатся шаги...
Родной, как в жизни, сделай милость —
Мне помоги, мне помоги!

13

Ушел туда, откуда нет возврата,
А говорил — не бросишь никогда.
Здесь надо мною тучи в три наката,
Их никакая не пробьет звезда.

Здесь опускает белые ресницы
Российская дремучая зима...
Забыться бы, любой ценой забыться!
Иначе попросту сойдешь с ума...

14

Была счастливою с тобой,
Такой счастливой я!
Но счастье рухнуло в забой,
Как тяжелая ладья.

Бездонна шахта и черна,
Черней от года год.
А чья вина? Ничья вина!
Кому предъявишь счет?..

15

Припоздала зима в Подмосковье,
И земля беззащитно нага.
Раны летних биваков с любовью
Лишь сегодня бинтуют снега.
Стало празднично в роще и чисто,
Нет бутылок и банок нигде.
Только медленно «завтрак туриста»
В незамерзшем дрейфует пруде.
В рыхлом насте мой валенок тонет.
Лес торжественно, девственно бел.
Лишь чернеют, как гнезда вороны,
На деревьях папахи омел.
Только знать мне и страшно, и странно,
Что ушел ты с земли навсегда.
Может, лягут бинтами на раны,
Как снега на кострища, года...

16

Что горше разлуки, что вечной разлуки

страшнее?..

Но хочется мне потерявшим любимых шепнуть:

— Боритесь с тоскою, сражайтесь, как можете,

с нею,

Друзьям улыбайтесь, хотя разрывается грудь.

Есть высшая гордость — окоп никогда не покинуть,

Быть в списке бойцов, если даже убит наповал.

Есть высшая гордость — навеки остаться такими,

Какими бы видеть вас тот, кого нету желал...

17

День начинается с тоски —

Привычной, неотвязной, жгучей.

Коснуться бы твоей руки

И куртки кожаной скрипучей.

Плеча почувствовать тепло,

Закрыть глаза и на минутку

Забыть, что прахом все пошло,

Забыть, что жить на свете жутко...

18

Его тюльпаны на Твоей могиле —

Как жизнь со смертью переплетена!..

Так озираюсь, словно пробудили

Меня от летаргического сна.

Еще не все, должно быть, понимаю,

Еще не все, должно быть, сознаю.

И с ним под густо-синим небом мая

Я над Твоей могилою стою.

Смерть ничего переменить не в силах.

Но жизнь есть жизнь. Поют невдалеке.

Его тюльпаны на Твоей могиле,

Моя рука лежит в его руке...

19

Старый Крым — последняя обитель.

Черный камень — все, как в страшном сне...

Не судите, люди, не судите:

Здесь лежать положено и мне.

Не судите, что судьбу другому

Я, как говорится, отдала.

Это было — головою в омут...

Совести гремят колокола.

Не судите, люди — скоро-скоро,

В крымский дождик или крымский зной

Мне перебираться в мертвый город,

Под тяжелый камень ледяной...

20

Холмов-курганов грустная сутулость.

Тоска предзимья. В горле горький ком.

Твоя душа, наверное, коснулась

Моей души полынным ветерком.

Бреду одна в степи под Старым Крымом

В те, богом позабытые места,

Где над тобой давно неумолимо

Гранитная захлопнута плита.

Твоя душа! Я не встречала выше.

Но не желала прилетать она,

Пока с Бездушьем под одну крышей

Я прозябать была осуждена.

Страданьем я очистилась от скверны,

Но нету времени и нету сил.

Лишь ты меня, единственный, наверно,

И пожалел, и понял, и простил...

«Стало зрение сердца острее...»

Стало зрение сердца острее,

Если сердце прошло через ад...

Дорогие! Миритесь быстрее —

Не существенно, кто виноват.

Я прошу вас, давайте не будем
Рвать мосты за собой сгоряча...
Почему это близкие люди
Рубят прямо по душам сплеча?

Я прошу вас, поймите быстрее —
В битве душ победителей нет...
Стало зрение сердца острее
После всех испытаний и бед.

ПЛАСТИНКА

И тембр, и интонацию храня,
На фоне учащенного дыханья
Мой голос, отсеченный от меня,
Отдельное начнет существованье.

Уйду... Но, на вращающийся круг
Поставив говорящую пластмассу,
Меня помянет добрым словом друг,
А недруг... недруг сделает гримасу.

Прекрасно, если слово будет жить,
Но мне, признаться, больше греет душу
Надежда робкая, что, может быть,

И ты меня надумаешь послушать...

«Во второй половине двадцатого века...»

Во второй половине двадцатого века
Два хороших прощаются человека —
Покидает мужчина родную жену,
Но уходит он не на войну.

Ждет его на углу, возле дома, другая,
Все глядит на часы она, нервно шагая...
Покидает мужчина родную жену —
Легче было уйти на войну!

«БРОШЕННОЙ»

Брошена! Придуманное слово... Анна Ахматова

Жизнь бывает жестока,
Как любая война:
Стала ты одинока —
Ни вдова, ни жена.
Это горько, я знаю,
Сразу пусто вокруг.
Это страшно, родная,—

Небо рушится вдруг.
Все черно, все угрюмо.
Но реви не реви,
Что тут можно придумать,
Если нету любви?
Может, стать на колени?
Обварить кипятком?
Настрочить заявленье
В профсоюз и партком?
Ну, допустим, допустим,
Что ему пригрозят,
И, напуганный, пусть он
Возвратится назад.
Жалкий, встанет у двери,
Оглядится с тоской,
Обоймет, лицемеря,—
Для чего он такой:
Полу муж, полуплен ник,
Тут реви не реви...
Нет грустней преступленья,
Чем любовь без любви!

«Все просят девочки...»

Все просят девочки:

— Прочтите о любви!—

Все просят мальчики:

— Прочтите о войне!—

Но эти ипостаси,
Как ручьи,
В одну реку
Давно слились
Во мне.

Они давно слились
В реку одну.
Пускай удостоверится любой
Читаю о любви —
Там про войну,
Читаю о войне —
Там про любовь...

«Есть флотский закон — благородства статут...»

Есть флотский закон — благородства статут,
Добрее его и безжалостней нет:
Здесь младшему первое слово дают,
Когда заседает военный совет.

Есть флотский закон, благородный закон,
(Его забывает порою Земля) —
Когда на погибель корабль обречен,
Последним уйдет командир с корабля.

И в этом законе величие есть —
Мужчины, его примените к себе,
Когда вам достанется трудная честь
Вдруг стать капитанами в женской судьбе...

СОЛНЦЕ — НА ЛЕТО

Вновь календарь эту радость принес:
Солнце — на лето, зима — на мороз.
Что мне мороз, если стало светлей
В храмах лесов, в сонном царстве полей?
Если я слышу дыханье весны,
Если я вижу апрельские сны?

Только одно огорчает до слез:
Сердце — на лето, года — на мороз...

ПРОМЕТЕЕВ ОГОНЬ

«Пора наступила признаться...»

Пора наступила признаться —
Всегда согревало меня

Сознание того, что в семнадцать
Ушла в эпицентр огня.

Есть высшая гордость на свете —
Прожить без поблажек и льгот,
И в радости, и в лихолетье
Делить твою долю, народ.

Не слишком гонюсь за удачей,
Достоинство выше ценя.
Пегас мой — рабочая кляча,
Всегда он прокормит меня.

Мне, честное слово, не надо
И нынче поблажек и льгот.
Есть высшая в мире награда —
В тебе раствориться, народ.

ПЕЩЕРА СПИТ

Спит племя, тесно сгрудившись в пещере.
Детенышей преследует кошмар:
Вот саблезубый тигр ползет, ощерясь,
Вот на дыбы встает ихтиозавр.
Мужчины дико вскрикивают что-то —

Приснилась им на мамонта охота.
Спят женщины. Их не тревожат сны,
Под низким лбом не движутся извилины.
Клыками человеческими распилены
В углу, горой, звериные мослы.
В пещере дымно, а снаружи ветер,
Студеный дождик переходит в снег.
Спят наши предки. Первобытный век,
Ссутулившись, шагает по планете.
Спят предки. Только одному не спится,
Лежит с закушенным сухим листом.
Все ниже, ниже огненные птицы
Взлетают и кружатся над костром.
Что Человек в тиши пещеры слышит?
Что видит Человек в кромешной тьме?..
Сын века он. Вот только лоб повыше,
Да взгляд предупреждает об уме.
Ему удачи на охоте нет:
То отвлекут его вниманье тени,
То привлечет вниманье лунный свет,
То околдует красота оленя.
Его собратья упрекают в лени —
Им дела нет, что в мир пришел Поэт...

ПРОМЕТЕЕВ ОГОНЬ

Приказав, чтоб за служенье людям
Прометея истязал орел.

Пьют нектар и пляшут злые судьи
На Олимпе древний рок-н-ролл...

Только рано расплясались боги,
Как бы им не обломали ноги —
Ведь огонь, что Прометей зажег,
Не погасит даже главный бог!

Многое узнают, леденея,
Боги и богини за века,
Их пронзит крамола Галилея
И копье фракийца Спартака.

А считалось — кто бессмертных тронет,
Если каждый смертный что свеча?..
Но заставил их дрожать на троне
Чуть картавый голос Ильича!

Служат людям Прометея внуки,
Пусть Олимп не праведен и лют,
И пускай их тюрьмы ждут и муки,
Пусть орлы наемные клюют,

Пусть грозит с нахмуренных небес
Сам Зевес, не праведный Зевес,—

Над огнем, что Прометей зажег.

Никакой уже не властен бог.

ПЕРВЫЙ ЛЕТЧИК

За ним бежали, угрожали, ржали:

«Вяжи его, антихриста, вожжами!..»

Наверх! По лестнице церковной, ветхой,

Через четыре прыгая ступеньки.

Вот колокольня. Опалило ветром.

Внизу — игрушечные деревеньки.

Крестились бабы. Малыши визжали.

А крылья за спиной его дрожали —

Чудные, с перепонками из кожи.

Одно мгновенье, с нетопырем схожий,

Помедлил он над пропастью, над веком,

И вниз — не ангелом, не чертом:

Человеком...

Рязанский мужичонка неученый,

Икар в лаптях, эпохой обреченный!

Как современники понять тебя могли?

Летя к земле, ты оторвался от земли,

И вот лежишь, распластанный, в пыли...

Но к звездам без тебя не взмыли б корабли!

ГЕТЕРЫ

...Лучшая часть афинских гетер были в Греции единственными женщинами, о которых древние говорят с уважением. Ф. Энгельс

Пока законные кудахчут куры
По гинекеям — женским половинам,
Спешат Праксители, Сократы, Эпикуры
К свободным женщинам —
Аспазиям и Фринам.
Что их влечет?
Не только красота
Прелестниц этих полуобнаженных:
Гетера образованна, проста,
Она их половинам не чета,
Куда до милых умниц скучным женам!
(Пусть добродетельны они стократ!)
И вы, историки, от фактов не уйдете:
Умом делился не с женой Сократ —
Он изливался грешной Теодоте.
(Она грешна, поскольку не хотела
Законной сделкою свое оформить тело
И в гинекеях прокудахтать жизнь.
Ценой «падения» она взлетела...)
Вершила судьбы Греции Таис.
Ваял Пракситель Афродиту с Фрины.

Леяне памятник поставили Афины.
Леонтиона, критик Эпикура,
Опять-таки гетерою была...
И я скажу (пускай кудахчут куры
И бьют ханжи во все колокола):
Не зря до нас из глубины веков
Дошли те женщины в компании богов!

«Во все века, всегда, везде и всюду...»

Во все века,
Всегда, везде и всюду
Он повторяется,
Жестокий сон, —
Необъяснимый поцелуй Иуды
И тех проклятых сребреников звон.

Сие понять —
Напрасная задача.
Гадает человечество опять:
Пусть предал бы (Когда не мог иначе!),
Но для чего же
В губы целовать?..

«СВЕРХЧЕЛОВЕКИ»

«Сверхчеловеки»! Их немало
Меж нами, серыми людьми.
И человечество устало
От суперменов, черт возьми!..—
От тех, кому ничто другие...
И мне поднадоели «те»,
И мне знакома ностальгия
По уходящей Доброте.
И позабыть ли, как когда-то,
Без гордых поз и громких слов,
Вошли обычные солдаты
В легенды, в песни, в даль веков?
И суперменов клан надменный
Во всей красе раскрылся мне:
Когда иные супермены
Хвост поджимали на войне...

«И суетным, и мелковатым...»

И суетным, и мелковатым
Иной дружок вдруг мнится мне,
Когда припомню о солдатах
На той войне, на той войне.
О тех, что так умели просто
Богами стать в твоей судьбе,
Всё —
От последней корки черствой

До жизни —

подарив тебе...

«Курит сутки подряд...»

Курит сутки подряд

И молчит человек,

На запавших висках —

Ночью выпавший снег.

Человек независим,

Здоров и любим —

Почему он не спит?

Что за туча над ним?

Человек оскорблен...

Разве это — беда?

Просто нервы искрят,

Как в грозу провода.

Зажигает он спичку

За спичкой подряд.

Пожимая плечами,

Ему говорят:

«Разве это беда?

Ты назад оглянись:

Не такое с тобою

Случалось за жизнь!

Кто в твоих переплетах,

Старик, побывал,

Должен быть как металл,

Тугоплавкий металл!»
Усмехнувшись и тронув
Нетаящий снег,
Ничего не ответил
Седой человек...

ХАМЕЛЕОН

Ихтиозавры вымерли,
Гады забились в глушь.
Много мы мусору вымели
Из закоулков душ.
И все же порой — откуда?
Должно быть, из тьмы времен? —
Вдруг выползает чудо:
Юркий хамелеон.
То он, как сахар, тает,
То, словно вечный лед,
То он тебя обнимает,
То он тебя предает.
То он зовется «правым»,
То «модерняга» он,
То — словно крики «браво»,
То — словно крики «вон».
Меняет цвета и взгляды
С космической быстротой...

А ежели будет надо
В разведке ползти с ним рядом,
В траншее лежать одной?..

КТО ГОВОРИТ, ЧТО УМЕР ДОН-КИХОТ

А. К.

Кто говорит, что умер Дон-Кихот?
Вы этому, пожалуйста, не верьте:
Он неподвластен времени и смерти,
Он в новый собирается поход.
Пусть жизнь его невзгодами полна —
Он носит раны, словно ордена!

А ветряные мельницы скрипят,
У Санчо Панса равнодушный взгляд —
Ему-то совершенно не с руки
Большие, как медали, синяки.
И знает он, что испокон веков
На благородстве ловят чудаков,
Что прежде чем кого-нибудь спасешь,
Разбойничий получишь в спину нож...
К тому ж спокойней дома, чем в седле.

Но рыцари остались на земле!

Кто говорит, что умер Дон-Кихот?

Он в новый собирается поход!

Кто говорит, что умер Дон-Кихот?

НАКАЗ ДОЧЕРИ

Без ошибок не прожить на свете,

Коль весь век не прозябать в тиши.

Только б, дочка, шли ошибки эти

Не от бедности — от щедрости души.

Не беда, что тянешься ко многому:

Плохо, коль не тянет ни к чему.

Не всегда на верную дорогу мы

Сразу пробиваемся сквозь тьму.

Но когда пробьешься — не сворачивай

И на помощь маму не зови...

Я хочу, чтоб чистой и удачливой

Ты была в работе и в любви.

Если горько вдруг обманет кто-то,

Будет трудно, но переживешь.

Хуже, коль «полюбишь» по расчету

И на сердце приголубишь ложь.

Ты не будь жестокой с виноватыми,
А сама виновна — повинись.
Все же люди, а не автоматы мы,
Все же не простая штука — жизнь...

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

1. ПРО СОБАК

Люблю я собак, но не всяких, однако, —
Люблю, чтобы гордость имела собака,
Чтоб руки чужим не лизала она
И чтобы в беде оставалась верна.
Хочу, чтоб она отвергала подачки —
Пусть ловят кусочки другие собачки,
Пусть служат, присевши на задние лапки,
В восторге от каждой рассеянной ласки.
Нет, мне не по сердцу такая собака —
Люблю я собак, но не всяких, однако!..

2. Я ЗАВИДУЮ ТОЛСТОКОЖИМ

Я завидую толстокожим —

Носорогам, гиппопотамам,
Папам, что со слонами схожи,
Со слонихами схожим мамам —
Защитила их мать Природа
От укулов любого рода...
Но жалею зато до дрожи
Тех, кто ходит почти без кожи,—
Вы подумайте только, дети,
Как живется таким на свете!..

3. ПРЕДАТЕЛЬСТВО

В каком это было классе?..
Я навзничь лежу в постели —
Петька мне нос расквасил
В рыцарской честной дуэли.
Рядом мамаша квохчет:
— Кто этот хулиган?
Кто тебя эдак, дочка?
Я уж ему задам!
Ну, не молчи, ответь-ка! —
Дергая хвостик банта,
Я выдала взрослым Петьку —
Честного дуэлянта...
А Петькин отец — не тайна —
Выпить был не дурак,
И тонкостям воспитанья
Предпочитал кулак...

Шел Петька двором, как сценой,
Вернее, его вели.
Был он босой, в пыли,
Словно военнопленный.
Был он, как мой укор,
Был он, как мой позор.
Замер наш буйный дворик...
Я поняла с тех пор —
Вкус предательства горек.
...Зажил разбитый нос,
Петька простил донос
И позабыл измену.
Но вижу порой — вдали
Друг мой бредет в пыли,
Словно военнопленный...

ПИРАНЬИ

Семейство хищных рыб... Огромными стаями нападают на любую добычу... В аквариуме теряют свою агрессивность. (БСЭ)

О рыбки-пираньи, ох крошки-пираньи,
Кровавыми вы знамениты пирами.
В те реки, где вы затаились угрюмо,
Вступает с опаской надменная пума.
Ах рыбки-пираньи, малютки-убийцы,
Вам сладостно в жертву любую вцепиться
И яростно рвать ее тело частями
Железными крошечными челюстями.

О мини-убийцы! Со скоростью света
Любого очистите вы до скелета...
Но видела — в теплом стеклянном жилище
Из рук деликатно берете вы пищу.
Плывете, умильно виляя хвостами,
Веселою стаей, забавною стаей.
Неужто пираньям — исчадию ада
Всего-то пробиться в аквариум надо?

Играют убоготворенные рыбки,
Их челюсти в сытой застыли улыбке...

ДЕВЧОНКА — ЧТО НАДО!

По улице Горького — что за походка!—
Красотка плывет, как под парусом лодка.
Прическа — что надо! И свитер — что надо!
С моднейшим оттенком губная помада.
Идет не стилижка — девчонка с завода.
Девчонка рожденья военного года.
Со смены идет (не судите по виду),—
Подружку ханжам не дадим мы в обиду!
Пусть любит с «крамольным» оттенком помаду,
Пусть стрижка — что надо, и свитер — что надо,
Пусть туфли на «шпильках», пусть сумка «модерн»,
Пусть юбка едва достигает колен.
Ну, что здесь плохого? В цеху, на заводе

Станки перед нею на цыпочках ходят!

По улице Горького — что за походка!—

Красотка плывет, как под парусом лодка.

А в сумке «модерной» впритирку лежат

Конспекты, Есенин, рабочий халат.

А дома — братишка, смешной оголец,

Ротастый галчонок, крикливый птенец.

Мать... в траурной рамке глядит со стены,

Отец проживает у новой жены.

Любимый? Любимого нету пока...

Болят обожженная в цехе рука.

Устала? Крепись, не показывай виду —

Тебя никому не дадим мы в обиду!

По улице Горького — что за походка!—

Девчонка плывет, как под парусом лодка,

Девчонка рожденья военного года,

Рабочая косточка, дочка завода.

Прическа — что надо! И свитер — что надо!

С «крамольным» оттенком губная помада!

Со смены идет (не судите по виду),

Ее никому не дадим мы в обиду!

Мы сами пижонками слыли когда-то,

А время пришло — уходили в солдаты!

«И снова спорт...»

И снова спорт

По трем программам:

Хоккей, гимнастика —

Хоть плачь.

Вновь голову мою

Упрямо

В футбольный превращают мяч.

Щелчок.

Погас экран.

А где-то

Еще болельщики вопят.

...Глотаю Тютчева и Фета,

Как антияд, как антияд.

«Закрутила меня, завертела Москва...»

Закрутила меня, завертела Москва,

Отступила лесов и озер синева,

И опять, и опять я живу на бегу,

И с друзьями опять посидеть не могу.

И опять это страшное слово «потом»...

Я и вправду до слез сожалею о том,

Что сама обрываю за ниткою нить,
То теряю, чего невозможно купить...

«Я музу бедную безбожно...»

Я музу бедную безбожно
Все время дергаю:
— Пстой!
Так просто показаться «сложной»,
Так сложно, муза, быть «простой».

Ах, «простота»! —
Она дается
Отнюдь не всем и не всегда —
Чем глубже вырыты колодцы,
Тем в них прозрачнее вода.

«Два сильных крыла...»

Два сильных крыла
Расправляют нам спины —
Величие Анны,
Мятежность Марины.

Две хрупких гордячки
Кому-то мешали...
Не смолкнет дыханье
Ахматовской шали!

Дух рабства Марине
Остался неведом;
Елабуга не поражение —
Победа!

Марина и Анна,
Марина и Анна —
Звучат имена,
Словно голос органа...

Величие Анны,
Мятежность Марины.
И всё ж мы повинны,
И все ж мы повинны!

«Поэт забронзовел — смешно...»

Поэт забронзовел — смешно!
Товарищ по окопам — странно!
Не каждому, видать, дано

Пройти сквозь испытанье саном.

Надменен глаз его прищур,
Во всем сановная усталость...
То усмехаюсь, то грущу —
Что с ним, отличным парнем, случилось?

Поэт забронзовел — тоска!—
По лестнице чинов шагая.
И все слабей его рука,
Теряет золото строка —
За бронзу плата дорогая...

«Не страшно, что похож на битла...»

Не страшно, что похож на битла
Уже седеющий пиит.
Беда, что слишком деловит он,
Локтями друга оттеснит.

Талант и деловитость? — странно!
О том историю спроси:
Лишь зарабатывали раны
Себе поэты на Руси...

ЛИВЕНЬ

Бывает так, что ждешь стихи годами —
Их торопить поэту не дано...
Но хлынут вдруг, как ливень долгожданный,
Когда вокруг от засухи черно.

Стихи придут, как щедрый ливень лета,
Вновь оживут цветы и деревца.
Но снова засуха, вновь страх поэта,
Что никогда не будет ей конца...

«Здесь продают билеты на Парнас...»

Здесь продают билеты на Парнас,
Здесь нервничает очередь у касс:
— Последний кто? —
Молчат, последних нету...
Фронтовики,
Толкучка не про нас,
Локтями грех орудовать поэту!

...В дни, когда было надо
Ринуться в пекло боя,

Гудели военкоматы:

— Последний?

Я за тобою! —

И первыми шли в разведку

С группой бойцов добровольной

Очкарик из десятилетки

С толстой комсоргшей школьной.

И мы пропадали без вести,

Строчили на нас похоронки.

Но в эту толкучку лезть нам?..

Нет, мы постоим в сторонке.

Вот ежели будет надо

Ринуться в пекло боя,

Услышат военкоматы:

— Последний?

Я за тобою!

«Словно по воде круги от камня...»

Рукописи не горят... М. Булгаков

Словно по воде круги от камня,

По земле расходятся слова,

На бумагу брошенные нами

В час любви, печали, торжества.

Те слова порой врачуют раны,
Те слова бичуют и корят.
И еще — как это и ни странно —
Рукописи, правда, не горят.

Потому-то сквозь огонь угрюмый,
Всем святошам и ханжам назло,
Яростное слово Аввакума
К правнукам из тьмы веков дошло.

«Хорошо молодое лицо...»

Хорошо молодое лицо —
Жизнь еще не писала на нем,
И своим не пахала резцом,
И своим не дышала огнем.
Больно время его обожжет,
Так же, как обжигало и нас.
Пусть упрямым останется рот,
Не погаснет сияние глаз,
Но добавится что-то еще —
Станут тоньше, духовней черты.
С этой грани начнется отсчет
Настоящей мужской красоты.
Да, тогда лишь придет Красота,
И теперь навсегда, до конца:

Красота не пустого холста —
Обожженного жизнью лица.

«Пусть было черно и печально...»

Пусть было черно и печально,
Пусть с разных палили сторон —
Не скажет надутый начальник,
Что шла я к нему на поклон.

Порою казалось, что силы
Кончаются, но никогда
Я даже друзей не просила —
Была и осталась горда.

Шагаю по белому свету,
Порой пробиваюсь сквозь тьму,
Считая присягой лишь это:
«Жизнь — родине, честь — никому!»

«Когда стояла у подножья...»

Когда стояла у подножья
Горы, что называют «Жизнь»,

Не очень верилось, что можно
К ее вершине вознестись.
Но пройдено уже две трети,
И если доберусь туда,
Где путникам усталым светит
В лицо вечерняя звезда,
То с этой высоты спокойно
И грустно оглянусь назад:
— Ну, вот и кончились все войны,
Готовься к отдыху, солдат!..

«Из последних траншей сорок пятого года...»

Из последних траншей
Сорок пятого года
Я в грядущие
Вдруг загляделась года —
Кто из юных пророков
Стрелкового взвода
Мог представить,
Какими мы будем тогда?..

А теперь,
Из космических семидесятых,
Я, смотря в раскаленную
Юность свою,
Говорю удивленно и гордо:

— Ребята!

Мы деремся

Еще на переднем краю!

«Улицей длинной, узкой...»

Улицей длинной, узкой

Вскарабкавшись на косогор,

Он в небо глядит — наш русский,

Израненный наш собор.

Когда окружен фашистами

Был город со всех сторон,

В грохот боя неистовый

Ворвался церковный звон.

Священник в худой сутане,

Беззвучно творя молитвы,

Трясущимися руками

Звал верующих на битву.

И дряхлые прихожане,

У бога не ждя пощады,

Бойцам бинтовали раны

И строили баррикады.

Улицей длинной, узкой
Вскарабкавшись на косогор,
Он в небо глядит — наш русский,
Израненный наш собор.

Тяжелый, словно рыданье,
Гремит колокольный звон...
За доблесть на поле брани
Земной приношу поклон!

МОСКОВСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Хоть небоскребы жадно душат
Ее в объятиях своих,
В глаза бросается церквушка —
Веселый теремок, игрушка,
Меж громких од негромкий стих.

УКОРОМ ВСЕМ

И вышел на трибуну как-то боком
С немодною бородкой человек.
Поправил микрофон, потом заокал,

Как спринтер, прямо с места взяв разбег.

Его в пол-уха слушали вначале,
Но очень скоро стало ясно мне,
Что людям нес он не свои печали —
Его душа болела о стране.

О тех краях, что росчерком единым
Хотят на растерзание отдать
Не ведающим жалости машинам —
Заставить реки повернуться вспять:
Опять природу жаждем покорять.

Опять стада бульдозеров покорных
Рванутся в деревеньки на таран.
Морей нам, что ли, мало рукотворных,
Что превратились в лягушачий стан?

Зачем, кому такое было надо?
Иль родина иным не дорога?..
Укором всем — затопленные грады,
В болота превращенные луга.

Нет зарослей веселых, камышовых —
Они, кормильцы рек, осушены.

Теперь там свалка, целлофана шорох —
Пейзаж луны, захламленной луны...

Природа! Ты отплатишь нам жестоко.
Не постоишь ни за какой ценой...
Ушел с трибуны человек, что окал,
Как весь мой Север окает родной.

Ушел ершистый и не горбя плечи.
Как бы на марше, сдержан и угрюм.
Но тут же встал товарищу навстречу
Другой поэт, другой «властитель дум».

И столько было в голосе накала,
В глазах такая затаилась боль...
О, как внимали рыцарю Байкала!
Байкал, Байкал, мы все больны тобой!

Мы все болеем родиной, Россией,
С нее влюбленных не спускаем глаз.
Когда земля защиты попросила,
Забыли, что уволены в запас

Фронтовики — святой эпохи дети.
Им, все познавшим, с теми по пути,

Кто хочет от грядущего столетья

Лавину равнодушья отвести.

У КОСТРА

Хороводились звезды. Трещали поленья.

Отступил в темноту энтеэровский век.

— Жаль мне ваше наивное поколение! —

Очень искренне вдруг произнес человек.

То выглядывал, то в тучу прятался месяц.

Наши спутники спали и видели сны.

Был моложе меня лет на восемь, на десять

Собеседник и, значит, не видел войны.

Он во всем преуспел. А какую ценою?—

Для иных не имеет значенья цена...

Кто умение жить посчитает виною?

(Если только наружу не выйдет она...)

Насмешила меня суперменская жалость,

Я с полслова ее поняла до конца —

Только вера в людей мне в наследство досталась

От хлебнувшего лиха работяги-отца.

По горящей земле пол-России протопав,
Отхлебнув свою толику в общей беде,
Я, как ценный трофей, принесла из окопов
Только веру в людей, только веру в людей.

Жить бы дальше без драки. Не тронешь — не

тронут

Те умельцы, кому помешать я могу,
Те, что жаждут занять всевозможные троны,
С исполинскою плоской спеша к пирогу.

Но не стану молчать! Это сердца веленье.

Поднимаюсь в атаку опять и опять.

Жалко тех мне из вашего, друг, поколенья,

Кто умеет на подлость глаза закрывать...

«Пусть больно, пусть очень больно...»

Пусть больно, пусть очень больно —

И все же круши, кроши:

Стучит молоток отбойный

В запутанных шахтах души.

Стучит он и днем и ночью —

Хватает тревог и бед.

Проверка идет на прочность,

Конца той проверке нет.

И что же здесь скажешь, кроме

Того, что твержу весь век?—

Надежней всего в изломе

Обязан быть человек...

«Нужно думать о чем-то хорошем...»

Нужно думать о чем-то хорошем,

Чтоб не видеть плохого вокруг.

Верю — будет друзьями мне брошен,

Если надо, спасательный круг.

Нужно верить в хорошее, нужно!

Как молитву, твержу не впервой:

Есть одна лишь религия — Дружба,

Есть один только храм — Фронтной.

Этот храм никому не разрушить,

Он всегда согревает солдат,

И в него в час смятения души,

Как замерзшие птицы, летят.

ИЗ СЕВЕРНОЙ ТЕТРАДИ

В ТУНДРЕ

Ни кустика, ни селенья,
Снега, лишь одни снега.
Пастух да его олени —
Подпиленные рога.
Смирны, как любое стадо:
Под палкой не первый год.
И много ли стаду надо?
Потуже набить живот.
Век тундру долят копытцем
И учат тому телят...
Свободные дикие птицы
Над ними летят, летят.
Куда перелетных тянет
Из тихих обжитых мест?
На северное сиянье?
А может: на Южный Крест?..
Забывшие вкус свободы,
Покорные, как рабы:
Пасутся олени годы.
Не зная иной судьбы.
Возможно, оно и лучше
О воле забыть навек?

Спокойней. Хранит их чукча —
Могущественный человек.
Он к ним не подпустит волка,
Им ягель всегда найдет.
А много ль в свободе толка?
Важнее набить живот.
Ни кустика, ни селенья.
Сменяет пургу пурга.
Пастух да его олени —
Подпиленные рога.
И вдруг, не понять откуда,
И вдруг, неизвестно как,
Возникло из снега чудо —
Красавец, дикарь, чужак.
Дремучих рогов корону
Откинув легко назад,
Стоял он, застыв с разгону,
В собратьев нацелив взгляд.
Свободный, седой и гордый,
В упор он смотрел на них.
Жевать перестали морды.
Стук жадных копыт затих.
И что-то в глазах мелькнуло
У замерших оленух.
И как под ружейным дулом
Бледнел и бледнел пастух.
Он понял: олени, годы
Прожившие, как рабы,
Почуяли дух свободы,
Дыханье иной судьбы...

Высокую выгнув шею,
Откинув назад рога,
Приблизился к ним пришелец
На два или три шага.
Сжал крепче винтовку чукча
И крикнул: «Назад иди!»
Но вырвался рев могучий
Из мужественной груди.
Трубил он о счастье трудном —
О жизни без пастуха,
О том, как прекрасна тундра,
Хоть нет в ней порою мха.
О птицах, которых тянет
Из тихих обжитых мест
На северное сиянье,
На призрачный Южный Крест.
Потом, повернувшись круто,
Рванулся чужак вперед.
Олени за ним. Минута,
И стадо совсем уйдет.
Уйдет навсегда, на волю...
Пастух повторил: «Назад!»
И, сморщившись, как от боли,
К плечу приложил приклад...
Споткнувшись и удивленно
Пытаясь поднять рога,
Чужак с еле слышным стоном
Пошел было на врага.
Но, медленно оседая,
На снег повалился он.

Впервой голова седая
Врагу отдала поклон.
Не в рыцарском поединке,
Не в битве он рухнул ниц...
А маленький чукча льдинки
С белесых снимал ресниц.
И думал: «Однако, плохо.
Пастух я, а не палач...»
Голодной лисицы хохот,
Срывающийся на плач.
Сползает на тундру туча.
А где-то светло, тепло...
Завьюжило. Душу чукчи
Сугробами замело...
Назад возвратилось стадо
И снова жует, жует.
И снова олешкам надо
Одно лишь — набить живот...
Ни кустика, ни селенья,
Снега, лишь одни снега.
Пастух да его олени —
Подпиленные рога.

В ТАЙГЕ

Кто видал енисейские дали,
Тот о них не забудет нигде...
А деревья вокруг умирали,

Умирали по пояс в воде.

Почернели, листва облетела.

Запах тлена и мертвый плеск...

Кто-то трезвый, могучий, смелый

Порешил затопить здесь лес.

И боролись за жизнь великаны:

Хоть была неизбежной смерть.

Было больно, и страшно, и странно

На агонию эту смотреть.

Было больно. И все-таки взгляда

Я от них не могла отвести,

Мне твердили: «Так нужно, так надо.

Жаль, но нету другого пути.

Что поделаешь? — Жизнь жестока,

И погибнуть деревья должны:

Чтоб кровинки веселого тока

Побежали по венам страны.

Чтоб заводы в тайге загудели,

Чтоб в глуши прозревали дома».

Я кивала: «Да, да, в самом деле,

Это я понимаю сама».

...А деревья вокруг умирали,
Умирали по пояс в воде.
И забудешь о них едва ли —
Никогда, ни за что, нигде...

«Сидели у костра, гудели кедры...»

Сидели у костра, гудели кедры.
Метались то ли искры, то ли снег.
И был со мною рядом злой и щедрый,
Простой и очень сложный человек.

В который раз я всматривалась снова
В глаза с прищуром, в резкие черты.
Да, было что-то в нем от Пугачева,
От разинской тревожной широты.

Такой, пожалуй, может за борт бросить,
А может бросить все к твоим ногам...
Не зря мне часто снится эта проседь,
И хриплый голос, и над бровью шрам.

Плывут, качаясь, разинские струги —
Что ж, сон как сон: не много смысла в нем...
Но в том беда, что потайные струны
Порой занюют в сердце ясным днем.

И загудят в ответ с угрозой кедры,
Взметнутся то ли искры, то ли снег.
Сквозь время улыбнется зло и щедро
Простой и очень сложный человек.

МОЙ ОТЕЦ

Нет, мой отец погиб не на войне —
Был слишком стар он, чтобы стать солдатом,
В эвакуации, в сибирской стороне,
Преподавал он физику ребятам.

Он жил как все. Как все, недоедал.
Как все, вздыхал над невеселой сводкой.
Как все, порою горе заливал
На пайку хлеба выменянной водкой.

Ждал вести с фронта — писем от меня,
А почтальоны проходили мимо...
И вдалеке от дыма и огня

Был обожжен войной неизлечимо.

Вообще-то слыл он крепким стариком —

Подтянутым, живым, молодцеватым.

И говорят, что от жены тайком

Все обивал порог военкомата.

В Сибири он легко переносил

Тяжелый быт, недосыпанье, голод.

Но было для него превыше сил

Смириться с тем, что вновь мы сдали город.

Чернел, а в сердце ниточка рвалась —

Одна из тех, что связывают с жизнью.

(Мы до конца лишь в испытанья час

Осознаем свою любовь к Отчизне.)

За нитью — нить. К разрыву сердце шло.

(Теперь инфарктом называют это...)

В сибирское таежное село

Вползло военное второе лето.

Старались сводки скрыть от старика,

Старались — только удавалось редко.

Информбюро тревожная строка

В больное сердце ударяла метко.

Он задышался в дыме и огне,
Хоть жил в Сибири — в самом центре тыла.
Нет, мой отец погиб не на войне,
И все-таки война его убила...

Ах, если бы он ведать мог тогда
В глухом селе, в час отступленья горький,
Что дочь в чужие будет города
Врываться на броне «тридцатьчетверки»!

В ШУШЕНСКОМ

I. В ДОМЕ ЗЫРЯНОВЫХ

Я навек поняла отныне,
Стало в Шушенском ясно мне:
Людям надобно со святыней
Оставаться наедине.

Помолчать, грохот сердца слыша,
Не умом, а душой понять:
Здесь Он жил, вот под этой крышей,
Эта койка — его кровать.

Здесь невесте писал про Шушу,
Здесь морщинки легли у рта...
Я хочу тишину послушать,
А при людях она не та.

И когда все уйдут отсюда,
И затихнет людской прибой,
Я немного одна побуду,
Я побуду, Ильич, с тобой...

2. ВЕНЧАНИЕ

И вижу я внутренним взором
Церковную узкую дверь.
Мне жаль этой церкви, которой
Нет в Шушенском больше теперь.

Двух ссыльных в той церкви венчали
Давно это было, давно.
Царапались мыши, стучали
Кедровые лапы в окно.

И вижу я внутренним зреньем,
Как пристально, из-под очков,
В затрепанной рясе священник
Взирает на еретиков —

Веселых, не верящих в бога,
Бунтующих против царя!..
Так пусто, темно и убого.
Так холодно у алтаря.

Мигают оплывшие свечи,
Свисает с иконы паук.
Мерцание медных колечек,
Застенчивость девичьих рук...

Я много бродила по свету,
Все, может быть, только затем,
Чтоб встретить на Севере эту
Песнь песен, поэму поэм.

И все-таки встречи не будет —
Ту церковь снесли, говорят...
Простим несмысленшей, люди —
Не ведали, знать, что творят!

За лесом туманятся горы,
Синеет Саянский хребет.
Вхожу я в ту церковь, которой
В сегодняшнем Шушенском нет...

3. ЗАПАХ ВРЕМЕНИ

А такое и вправду было,
Хоть и верится мне с трудом:
Кто-то начал со страшной силой
Украшать этот бедный дом.

«Что, мол, нам экскурсанты скажут?
Все должно быть на высоте!»
И повесили люстру даже
Расторопные люди те.

И портьеры (что подороже!)
Стали здесь «создавать уют»,
И слоны из пластмассы — боже! —
Протоптали дорожку тут.

И центральное отопление
Провели за короткий срок —
«Как, простите, товарищ Ленин
В ссылке жить без комфорта мог?..»

Штукатурили в доме бревна,
У крыльца развели цветник...
И тогда, оскорбившись кровно,
Правда свой отвернула лик.

Стало в доме фальшивым что-то,
Сразу свой потеряло вес...
Годы шли, как на приступ роты —
Соскребали мы позолоту,
Бутафорский снимали блеск.

Нынче в доме, где ссыльный Ленин
Прожил несколько долгих лет,
Нет центрального отопленья
И сверкающей люстры нет.

Пахнут бревна смолою снова,
Никаких нет на окнах штор...
Запах времени! Дух бывшего!
Как волнует он до сих пор...

Нас изба привечает скромно,
Ветры времени в ней сквозят.
Так мала она! Так огромна!—
Даже в сердце вместить нельзя.

«В краю угрюмом, гиблом, льдистом...»

В краю угрюмом, гиблом, льдистом,
Лишен семьи, свободы, прав,

Он оставался коммунистом,
Насилье высотой поправ.
Да, высотой души и чести,—
Пожалуй, «планки» выше нет...
Не думал о себе, о мести —
Лишь о стране в оковах бед.
Шел сорок первый — лихолетье.
О, как в штрафбат просился он!
Не соизволили ответить,
Начальник просто выгнал вон.
И хмыкнул: «Во, дает очкарик!
Но только нас не проведешь!»
И тот ушел, в момент состарясь,
Еще бы — в сердце всажен нож.
В бараке пал ничком на нары,
Убит, казалось, наповал...
Но разве даром, разве даром
Он власть Советов защищал?
И зря ли по нему разруха,
Как по окопу танк, прошла?
Сказал себе: «Не падать духом!
Нельзя сегодня помнить зла.
Обязан я забыть, что ранен,
Вперед обязан сделать шаг...»
Он на партийное собрание
Созвал таких же бедолаг.
Таких, как он, — без партбилета...
Подпольным, тайным был их сход.
(Эх, жаль, что протокола нету!)
И он сказал: «Настал черед

Нам позабыть обиды, беды,
Лишь помнить общую беду.
И думать только про Победу
Как в восемнадцатом году.
Отсюда выйдем мы едва ли...
Но, братья, Родина в огне!
И в шахте, на лесоповале
Мы тоже нынче на войне.
Нам тяжелей, чем там, в траншее.
Но верю — час придет, поймут,
Что даже и с петлей на шее
Партийцами мы были тут.
Конечно, что быть может горше,
Чем слыть врагами в этот час?..»
А утром, на плацу промерзшем
Не опускали зеки глаз.
И удивлялся их конвойный,
На пальцы мерзлые дыша,
Чем были, лес валя, довольны
Те, в ком лишь теплилась душа.
И почему, в полусознание,
На землю падая без сил,
Все про какое-то собранье
Очкарик чахлый говорил...

«Ни от чего не отрекусь...»

Ни от чего не отрекусь

И молодых приму упреки.
Как страшно падали мы, Русь,
Прямолинейны и жестоки!
Ведь свято верили мальцы
Во тьме тридцать седьмого года,
Что ночью взятые отцы —
Враги страны, враги народа...

Я ни за что не отрекусь
От боевой жестокой славы.
Как мы с тобой взмывали, Русь,
В одном полете величавом!
Шли добровольцами юнцы
Туда, где смерть дает медали,
Тогда казненные отцы
На подвиг нас благословляли...

ДЕТИ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

(Поэма)

Мы были дети 1812 года. Матвей Муравьев-Апостол

ТРИНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ[1]

Зловещая серость рассвета...

С героев Бородина

Срывают и жгут эполеты,
Бросают в огонь ордена!
И смотрит Волконский устало
На знамя родного полка —
Он стал в двадцать пять генералом,
Он все потерял к сорока...

Бессильная ярость рассвета.
С героев Бородина
Срывают и жгут эполеты,
Швыряют в костер ордена!
И даже воинственный пристав
Отводит от виселиц взгляд.
В России казнят декабристов,
Свободу и Совесть казнят!
Ах, царь милосердие дарит,
Меняет на каторгу смерть...
Восславьте же все государя
И будьте разумнее впредь!
Но тем, Пятерым, нет пощады!
На фоне зари — эшафот...
«Ну, что ж! Нас жалеть не надо
Знал каждый, на что он идет».
Палач проверяет петли,
Стучит барабан, и вот
Уходит в бессмертие Пестель,
Каховского час настает...
Рассвет петербургский тлеет,
Гроза громыкает вдали...

О, боже! Сорвался Рылеев —
Надежной петли не нашли!
О, боже! Собрав все силы,
Насмешливо он хрипит:
«Повесить — и то в России
Не могут как следует!
Стыд!..»

СЕРГЕЙ МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ

Дитя двенадцатого года:
В шестнадцать лет — Бородино!
Хмель заграничного похода.
Освобождения вино.
«За храбрость» — золотая шпага.
Чин капитана, ордена.
Была дворянская отвага
В нем с юностью обручена.
Прошел с боями до Парижа
Еще безусый ветеран.
Я победителем вас вижу,
Мой капитан, мой капитан!
О, как мечталось вам, как пелось,
Как поклонялась вам страна!
...Но есть еще другая смелость,
Она не каждому дана.
Не каждому, кто носит шпагу
И кто имеет ордена: —

Была военная отвага
С гражданской в нем обручена:
С царями воевать не просто!
(К тому же вряд ли будет толк...)
Гвардеец Муравьев-Апостол
На плац мятежный вывел полк!
«Не для того мы шли под ядра.
И кровь несла Березина,
Чтоб рабства и холопства ядом
Была отравлена страна!
Зачем дошли мы до Парижа:
Зачем разбили вражий стан?...»
Вновь победителем вас вижу,
Мой капитан, мой капитан!

Гремит полков российских поступь,
И впереди гвардейских рот
Восходит Муравьев-Апостол...
На эшафот!

ЯЛУТОРОВСК

Эвакуации тоскливый ад —
В Сибирь я вместо армии попала.
Ялutorовский райвоенкомат —
В тот городок я топала по шпалам.
Брела пешком из доброго села,

Что нас, детей и женщин, приютило.
Метель осатанелая мела,
И ветер хвастал ураганной силой.
Шла двадцать верст туда
И двадцать верст назад —
Ведь все составы пролетали мимо.
Брала я штурмом тот военкомат
Пусть неумело, но неумолимо.
Я знала — буду на передовой,
Хоть мне твердили:
— Подрасти сначала!—
И военком седую головой
Покачивал:
— Как банный лист пристала!—
И ничего не знала я тогда
О городишке этом неказистом.
Ялutorовск — таежная звезда,
Опальная столица декабристов!..
Я видела один военкомат Свой «дот».
Что взять упорным штурмом надо,
И не заметила фруктовый сад —
Веселый сад с тайгой хмурой рядом.
Как так? Мороз в Ялutorовске крут
И лето долго держится едва ли,
А все-таки здесь яблони цветут —
Те яблони, что ссыльные сажали!..

Я снова здесь, пройдя сквозь строй годов,
И некуда от странной мысли деться:

Должно быть; в сердцевинах тех стволов
Стучат сердца; стучит России сердце.
Оно, конечно, билось и тогда
(Хотя его и слыхом не слыхала).
Когда мои пылали города,
А я считала валенками шпалы.
Кто вел меня тогда в военкомат,
Чья пела кровь и чьи зывали гены?

...Прапрадеды в земле Сибири спят,
Пред ними преклоняю я колена.

«НЕУДАЧНИКИ»

...Вернули тех, кто в двадцать пятом,
В Санкт-Петербурге, в декабре,
На площади перед сенатом
Войска построили в каре.
Теперь их горсточка осталась:
Сибирь и годы — тридцать лет!
Но молодой бывает старость,
Закат пылает, как рассвет.
Непримиримы, непреклонны,
Прямые спины, ясный взгляд.
Как на крамольные иконы,
На старцев юноши глядят.
Нет, их не сшибли с ног метели.

Они не сбились в темноте.
Но почему так одряхлели
Их сверстники — другие, те,
Что тоже вышли в двадцать пятом
На площадь в злой декабрьский день,
Но после... Ужас каземата,
Громадной виселицы тень,
Бред следствия, кошмар допроса,
Надежды тоненькая нить.
Они сломились...
Все непросто,
И не потомкам их винить...
Ошибки юности забыты,
Пошли награды и чины,
Они сановники, элита,
Они в монарха влюблены!
Все больше ленточек в петлицах,
Не жизнь — блистательный парад!
Но отчего такие лица:
Увядший рот, погасший взгляд?
Ах, что с «удачниками» случилось?
Ответа нет, ответа нет...
А рядом молодая старость,
Закат, похожий на рассвет.

ЭПИЛОГ

Предутренний, серебристый,

Прозрачный мой Ленинград!
На площади Декабристов
Еще фонари горят.
А ветер с Невы неистов,
Проносится вихрем он
По площади Декабристов,
По улицам их имен...

«Бывают такие секунды...»

Бывают такие секунды,
Когда, как на фронте, в бою,
Ты должен подняться, хоть трудно
Покинуть траншею свою.
Когда отсидеться бы проще —
Никто ведь не гонит вперед...
Но гордость солдатская ропщет,
Но совесть мне жить не дает.
Но сердце забыть не сумело —
Бесчестие хуже, чем смерть.
На бруствер за правое дело
И страшно, и сладко взлететь.
Люблю исступленно и чисто
Страну непростую свою.
Считаю себя коммунистом,
Хоть в партии не состою.

У МЕНЯ ТЫ, РОССИЯ, КАК СЕРДЦЕ, ОДНА...

ЭТО ИМЯ

Только вдумайся, вслушайся

В имя «Россия»!

В нем и росы, и синь,

И сиянье, и сила.

Я бы только одно у судьбы попросила —

Чтобы снова враги не пошли на Россию...

ДРУНЯ

«Друня»— уменьшительная форма от древнеславянского имени «Дружина».

Это было в Руси былинной,

В домотканый сермяжный век:

Новорожденного Дружиной

Светлоглазый отец нарек.

В этом имени — звон кольчуги,

В этом имени — храп коня,

В этом имени слышно:

— Други!

Я вас вынесу из огня!

Пахло сеном в ночах июня,
Уносила венки река.
И смешливо и нежно «Друня»
Звали девицы паренька.
Расставанье у перелаза,
Ликование соловья...
Светлорусы и светлоглазы
Были Друнины сыновья.

Пролетали, как миг, столетья,
Царства таяли, словно лед...
Звали девочку Друней дети —
Шел тогда сорок первый год.
В этом прозвище, данном в школе,
Вдруг воскресла святая Русь,
Посвист молодца в чистом поле,
Хмурь лесов, деревенек грусть.
В этом прозвище — звон кольчуги,
В этом прозвище — храп коня,
В этом прозвище слышно:
— Други!
Я вас вынесу из огня!

Пахло гарью в ночах июня,
Кровь и слезы несла река,
И смешливо, и нежно «Друня»
Звали парни сестру полка.
Точно эхо далекой песни,

Как видения, словно сны,
В этом прозвище вновь воскресли
Вдруг предания старины.
В этом прозвище — звон кольчуги,
В этом прозвище — храп коня,
В этом прозвище слышно:
— Други!
Я вас вынесу из огня!

ГОЛОС ИГОРЯ

Часть войска князя Игоря была конной, а другая пешей — смерды.

«Как волков обложили нас половцев рати.
Несть числа им, лишь кони дружину спасут.
Ну, а пешие смерды?.. Тяжело умирати,
Но неужто мы бросим, предадим черный люд?»
Голос Игоря ровен, нет в нем срыва и дрожи.
Молча спешились витязи — предавать им негоже.
Был в неравном бою схвачен раненый Игорь,
И порубаны те, что уйти бы могли...
Но зато через ночь половецкого ига,
Через бездны веков, из нездешней дали
Долетел княжий глас: «Нелегко умирати,
Только легче ли жить во предателях, братья?»

ЯРОСЛАВНЫ

Каленые стрелы косили
Дружинников в далях глухих.
И трепетно жены России
Мужей ожидали своих.

— Любимый мой, Игорь мой славный!
Бескрайни тревожные дни!..—
Вновь милых зовут Ярославны,
Но смотрят на небо они.

Не в поле, меж звездами где-то
Двадцатого века маршрут!
Послушные кони — ракеты —
Своих властелинов несут.

А ежели «всадник» задремлет,
Слетают счастливые сны:
Все видит желанную Землю
Он в облике милой жены.

БАБЫ

Мне претит пресловутая «женская слабость».

Мы не дамы, мы русские бабы с тобой.

Мне обидным не кажется слово грубое «бабы»,

В нем — народная мудрость, в нем — щемящая

боль.

Как придет похоронная на мужика

Из окопных земель, из военного штаба,

Став белей своего головного платка,

На порожек опустится баба.

А на зорьке впряжется, не мешкая, в плуг

И потянет по-прежнему лямки.

Что поделаешь? Десять соломинок-рук

Каждый день просят хлеба у мамки...

Эта смиренная баба двужильна, как Русь.

Знаю, вынесет все, за нее не боюсь.

Надо — вспашет полмира, надо — выдюжит бой.

Я горжусь, что и мы тоже бабы с тобой!

ПОЛОНЯНКИ

Ах, недолго у матери ты пожила,

Незадачливая девчонка!

Умыкнул басурман из родного села,

Как мешок, поперек перекинув седла...
Ты ему татарчонка в плену родила,
Косоглазого, как зайчонка.
Время шло. Ты считалась покорной женой.
Попривыкла к смешному зайчонку — родной.
Но навеки застыли в славянских глазах
Пламя русских пожарищ, отчаянье, страх...

Вновь дымятся массивы нескошенных трав.
Мчит девчонок в неметчину дюжий состав.
И одна полонянка на мгновенье застыла:
Показалось ей смутно, что все это было —
Так же села горели, дымились поля,
Бились женщины, плакали дети...

Все воюет, воюет старушка Земля,
Нет покоя на грустной планете...

«В моей крови — кровинки первых русских...»

В моей крови —
Кровинки первых русских:
Коль упаду.
Так снова поднимусь.
В моих глазах,
По-азиатски узких,

Непокоренная дымится Русь.

Звенят мечи.

Посвистывают стрелы.

Протяжный стон

Преследует меня.

И, смутно мне знакомый,

Белый-белый,

Какой-то ратник

Падает с коня.

Упал мой прадед

В ковыли густые,

А чуть очнулся —

Снова сел в седло...

Еще, должно быть, со времен Батыя

Уменье подниматься

Нам дано.

«Веет чем-то родным и древним...»

Веет чем-то родным и древним

От просторов моей земли.

В снежном море плывут деревни,

Словно дальние корабли.

По тропинке шагая узкой,
Повторяю — который раз!—
«Хорошо, что с душою русской
И на русской земле родилась!»

БЕЛЫЙ ПУХ

Замело Подмосковье —
Метели сменяют метели.
И сегодня в сельмаг
Можно только на лыжах пройти.
Ах, какие перины
Зима наша щедрая стелет!
Словно пух из подушек,
Снег лохматый летит.
Белый пух!
Белый пух!
Задыхаясь от ветра,
Я на лыжах в сельмаг
Побегу завтра утром опять.
Белый пух!
Снежный дух!

Неужели до нового века —
Двадцать первого века!—
Рукою подать?

«Взять бы мне да и с места сняться...»

Взять бы мне да и с места сняться,
Отдохнуть бы от суеты —
Все мне тихие села снятся,
Опрокинутые в пруды.
И в звенящих овсах дорога,
И поскрипыванье телег...
Может, это смешно немного:
О таком — в реактивный век?
Пусть!.. А что здесь смешного, впрочем?
Я хочу, чтоб меня в пути
Окликнули старухи: «Дочка,
До Покровского как дойти?»
Покрова. Петушки. Успенье...
Для меня звуки этих слов —
Словно музыка, словно пенье,
Словно дух заливных лугов.
А еще — словно дымный ветер,
Плач детей, горизонт в огне:
По рыдающим селам этим
Отступали мы на войне...

ГОСТЬЯ

Среди царственных пальм, на чужом берегу.

Где в конце декабря солнце в полную силу,

Появилась вдруг та, что живет на снегу:

Елка — скромная дочка России.

Стали капать, едва огляделась вокруг,

Слезы — горькой смолою — к подножью:

«Где я? Сколько здесь новых прекрасных подруг.

Совершенно на нас непохожих...»

Но не к пальмам, а к елочке люди пришли

И одели пышней, чем царицу.

Мне казалось — гудят для нее корабли

Перед тем, как с причалом проститься.

Потому что, куда б ни швырнуло судьбой,

Где б по свету меня ни носило.

Ничего нет желаннее встречи с тобой,

Боль моя, мое сердце — Россия.

НА ПУТЯХ-ПЕРЕПУТЬЯХ

Снова тряского «газика» кузов,

Гололед, холодок по спине.

И опять комсомольская муза

Возвратилась в ушанке ко мне.

Не являлась в столичном уюте,
А в далекой поездке опять
На безвестных путях-перепутьях
От меня не желает отстать.

И опять по ее повеленью
Вместе ночь мы проводим без сна —
Я пишу на замерзших коленях
Все, что мне надиктует она.

ПОСЕЛОК СМИРНЫХ

В лесу, на краю дороги,
В лесу, на краю страны,
Задумчивый, юный, строгий
Стоит капитан Смирных.

Змеится дороги лента,
КамАЗы в лесхоз спешат.
С гранитного постамента
Не может сойти комбат.

Но помнят доныне сопки
Команду его — «Вперед!»,
Отчаянным и коротким
Был бой за японский дот...

Все той же дороги лента,
И августа синий взгляд.
Лишь сдвинуться с постамента
Не может теперь комбат.

Сквозь строй ветеранов-елок
Он смотрит и смотрит вдаль —
На тихий лесной поселок.
Которому имя дал.

Сахалин

СТЕПНОЙ КРЫМ

Есть особая грусть
В этой древней земле —
Там, где маки в пыли,
Словно искры в золе,
И где крокусов синие огоньки
Не боятся еще человеческой руки.

Вековая, степная, высокая грусть!

Ничего не забыла великая Русь.

О, шеломы курганов,

Каски в ржавой пыли! —

Здесь Мамаю и Гитлера

Орды прошли...

В ЛЕСУ

Там, где полынью пахнет горячо,

Там, где прохладой тонко пахнет мята,

Пульсировал безвестный родничок,

От глаз туристов зарослями спрятан.

И что ему судьба великих рек?—

Пусть лакомится еж водою сладкой!

...Давным-давно хороший человек

Обнес источник каменною кладкой.

Как маленький колодезь он стоял.

Порой листок в нем, словно лодка, плавал.

Он был так чист, так беззащитно мал,

Вокруг него так буйствовали травы!..

Однажды, бросив важные дела

И вырвавшись из городского плена,

Я на родник случайно набрела
И, чтоб напиться, стала на колена.

Мне родничок доверчивый был рад,
И я была такому другу рада,
Но чей-то вдруг почувствовала взгляд
И вздрогнула от пристального взгляда.

Сквозь воду, из прозрачной глубины,
Как будто из галактики далекой,
Огромны, выпуклы, удивлены,
В меня уставились два странных ока.

И тишина — натянутой струной.
Я даже испугалась на мгновенье.
То... лягушонок — худенький, смешной —
Увидел в первый раз венец творенья!

И вряд ли я забуду этот миг,
Хоть ничего и не случилось вроде...
Пulsирует ли нынче мой родник
И жив ли мой растерянный уродик?

Как жаль, что никогда я не пойму,
С улыбкой встречу вспоминая эту,

Какой же показалась я ему?—

Должно быть, чудищем с другой планеты!

«Зима, зима нагрянет скоро...»

Зима, зима нагрянет скоро,

Все чаще плачут небеса.

Пошли на приступ мухоморы —

Горит разбойная краса.

С ножом — как тать! — под дождик мелкий

Бреду на поиски опять.

Свернувшись, в дуплах дремлют белки,

Лисицы в норах сладко спят.

Стал молчаливым бор отныне,

И грусть разлита в тишине.

Бреду одна в лесной пустыне,

Кипенья лета жалко мне...

Но вот другое обаянье

Меня в другой берет полон.

То обаянье увяданья —

Осенний сон, осенний сон...

«Что ж, и мы, как все на свете, бренны...»

Что ж, и мы, как все на свете, бренны.
По-солдатски нужно встретить смерть.
Уходить с достоинством со сцены —
Это тоже надобно уметь.

Прожито немало — слава богу!
Было плохо. Было хорошо.
Выпьем же, товарищ, на дорогу,
Наливай, ровесник, «посошок»!

ЧЕЛОВЕК

Человек всемогущ, словно бог,
Вечно в поиске, вечно в движенье.
Он боязнь высоты превозмог
И планеты родной притяженье.

До чего человек уязвим!—
Балансирует вечно на грани:
Каждый камень, нависший над ним,
Может сдвинуться, грохнутья, грянуть.

Человек изворотлив, как черт,
Впрямь владеет он дьявольской силой —
Улыбаясь, к немилрой идет,
Улыбаясь, уходит от милой.

Как же слаб этот черт, этот бог! —
Сколько раз от единого слова
Стать несчастным мгновенно он мог
И счастливым мог сделаться снова...

ДОБРОТА

Стираются лица и даты,
Но все ж до последнего дня
Мне помнить о тех, что когда-то
Хоть чем-то согрели меня.

Согрели своей плащ-палаткой,
Иль тихим шутивым словцом,
Иль чаем на столике шатком,
Иль попросту добрым лицом.

Как праздник, как счастье, как чудо
Идет Доброта по земле.

И я про нее не забуду,
Хотя забываю о Зле.

СУЕТА

Сражаться насмерть с суетой.
Не опускать пред нею знамя,
С лукавой, ненасытной — той,
Что разлучает нас с друзьями.
Что славословит, льстит подчас:
Президиум, вниманье зала.
Что от стола уводит нас
В те свадебные — генералы...

Мой стол, мой бруствер!
Только ты
Меня обезопасить можешь
От арналета суеты,
Ее обстрелов и бомбежек...

НА ЭСТРАДЕ

Аудитория требует юмора,
Аудитория, в общем, права:
Ну, для чего на эстраде угрюмые,

Словно солдаты на марше, слова?

И кувыркается бойкое слово,

Рифмами, как бубенцами, звеня.

Славлю искусство Олега Попова,

Но понимаю все снова и снова:

Это занятие не для меня...

Требуют лирики. Лирика... С нею

Тоже встречаться доводиться мне.

Но говорить о любви я умею

Только наедине.

Наедине, мой читатель, с тобою,

Под еле слышимый шелест страниц

Просто делиться и счастьем, и болью,

Сердцебиеньем, дрожаньем ресниц...

Аудитория жаждет сенсаций,

А я их, признаться, боюсь, как огня.

Ни громких романов, ни громких оваций

Не было у меня.

Но если меня бы расспрашивал Некто

Чем я, как поэт, в своей жизни горда? —

Ответила б: «Тем лишь, что ради эффекта

Ни строчки не сделала никогда».

«Били молнии. Тучи вились...»

Били молнии. Тучи вились.
Было всякое на веку.
Жизнь летит, как горящий «виллис»
По гремящему большаку.

Наши критики — наши судьбы:
Вознести и распять вольны.
Но у нас есть суровой судьи —
Не вернувшиеся с войны.

Школьник, павший под Сталинградом,
Мальчик, рухнувший у Карпат,
Взглядом юности — строгим взглядом
На поэтов седых глядят.

ПОД СВОДАМИ ДУШИ ТВОЕЙ ВЫСОКОЙ...

(Поэма)

Памяти Сергея Орлова

* * *

Я в этот храм вступила ненароком,
Мне попросту в дороге повезло.
Под сводами души твоей высокой
Торжественно мне было и светло.

Сквозь суету, сквозь горести, сквозь годы —
Твой опаленный, твой прекрасный лик...
Но нерушимые качнулись своды
И рухнули в один ничтожный миг...

* * *

Ты умер, как жил — на бегу, на лету...
С портфелем в руке, с сигаретой во рту.
Наверно, в последнем секундном аду
Увидел себя в сорок третьем году —
В пылающем танке, в ревущем огне —
И, падая, понял: убит на войне.

* * *

Кто-то тихо шептал твое имя.
Кто-то выдохнул: «Значит, судьба...»
Холод лба под губами моими,
Смертный холод высокого лба.

Я не верю ни в черта, ни в бога,
Но о чуде молилась в тот час...
Что ж ты сделал, Сережа, Серега, —
Самый смелый и добрый из нас?

Как ты дал себя смерти осилить,
До зимы далеко не дойдя?..
Провожала солдата Россия

Ледяными слезами дождя.

Осень шла в наступление люто —
Вот-вот бросит на кладбище снег...
От прощального грома салюта
Лишь не вздрогнул один человек...

* * *

Нет, я никак поверить не могу,
Что ты на том — нездешнем берегу,
Куда слова мои не долетят,
И даже матери молящий взгляд,
И даже вскрик отчаянной жены
Теперь к тебе пробиться не вольны.

А я все так же, так же, видит бог,
Хватаю трубку, услышав звонок,—
Как будто бы из черной пустоты
Вдруг позвонить на Землю можешь ты...

* * *

Что же делать?
Чем дальше, чем горше.
Я смириться с бедой не могу,
Ты — внезапною судорогой в горле,
Ты — сверлящею болью в мозгу.

Ночь. Костер нашей дружбы потушен.

Я одна в темном лесе опять.

Для того лишь нашла твою душу,

Чтоб навеки ее потерять...

Без костра в темном лесе мне страшно,

Вот-вот хлынет лавина огня —

Словно танка враждебного башня,

Притаившись, глядит на меня...

* * *

Плечи гор плотно-плотно туман закутал.

Здесь бродил ты лишь год назад...

Хорошо, что тебя провожали салютом, —

Ты был прежде всего

Солдат.

Море хмуро, вода отликает сталью,

Тих рассеянный странный свет...

Хорошо, что над гробом стихи читали, —

Ты был прежде всего

Поэт.

Ах, как Времени быстро мелькают спицы,

Как безжалостно мчится век!..

Хорошо, что так много пришло проститься,

Ты был прежде всего

Человек.

* * *

На Вологодчине есть улицы Орлова,
Со стапелей там сходит теплоход
«Сергей Орлов».
Звучит поэта слово...
Вот только в дверь мне он не звякнет снова
И, пряча в бороду улыбку, не войдет.

Уже не станем с ним до хрипа спорить,
Читать стихи, глушить (не только!) чай.
Один лишь раз друзьям принес он горе —
Убил своим уходом невзначай.

* * *

Загрустив однажды почему-то,
«Есть ли дружба?»— ты меня спросил.
Эх, Сергей! Когда б хоть на минуту
Выходили люди из могил!

Ты забыл бы о любой обиде,
Ты б ничьей не вспоминал вины,
Потому что с нежностью б увидел,
Как тебе товарищи верны.

* * *

Навек застыл над Белозерском тот,

Кто мальчиком, в тяжелую годину
Вел свой пылающий КВ на дот,
С горящим танком слившись воедино.

А мне терзаться, в памяти храня,
Как трудно жизнь он «на гражданке» прожил.
Не станет памятником для меня
Застенчивый, краснеющий Сережа.

* * *

Душный полдень. Рычит грузовик разъяренно.
А солдаты веселую песню поют.
Тесно мальчикам в кузове, как в обойме патронам...
Показалось — Сергей, показалось — он тут.
В чудеса я не верю, к несчастью...
Но все же, Замерев, с колотящимся сердцем стою:
Полыхнул голубыми глазами Сережа
И умчался в армейскую юность свою.
Тот же чуб, тот же лоб, тот же взгляд у солдата —
Как патрон на патрон, на тебя он похож.
...Ты не встретишь, Сергей, юбилейную дату,
И к столу, где товарищи, не подойдешь.
Мы хороним друзей, нас осталось немного,
Но деремся еще на переднем краю...
Полыхнул голубыми глазами Серега
И умчался в армейскую юность свою.

* * *

Догоняет война тех, кто мне всех дороже.

И напрасно я другу кричу «Борись!»
С пулей в сердце на землю упал Сережа,
И с тяжелым раненьем лежит Борис[2].
Поколенье уходит опять. Рановато...
Обрывается вновь за струною струна.
Что поделаешь, если только отпуск солдатам,
Только длительный отпуск дала Война?

* * *

Снова жизнь — снова цепь атак.
Пред тобой в долгу навсегда.
Я верна нашей дружбе так,
Как орбите своей звезда.

По тебе свой равняю шаг
И любую свою строку,
Ты мне нужен, как нужен стяг,
Чтоб остаться полком полку.

* * *

Виолетта Орлова, В
е ла —
Так Сергей тебя величал.
Получилось — не доглядела,
Навсегда опустел причал.
Налетел ураганный ветер,
И поэта навек унес
В океан, что зовется «Смертью»,
А тебя — в море вдовьих слез.

Быть вдовицею не хотела,
Если плакала — по ночам.
Виолетта Орлова, Вела —
Так Сергей тебя величал.
Не сложила в бессилье руки,
А в работу, как в плуг, впряглась.
И в твоём фантазере-внуке
Проступает с поэтом связь...
Зарастают холмы травой,
В наступленье пошла весна.
...Зря тебя назвала вдовою,
Ты — жена, ты — навек жена.

* * *

Вологодский говорок певучий.
Над резными домиками дым.
Звезды, протаранившие тучи —
Две с орбит сошедшие звезды.
Только две — их не видала ране,
Может, родились они вчера?..
Как бинты на незажившей ране
Считанные эти вечера.
Тропка к речке. Прорубь. Бездорожье.
Отступает боль, светлеет грусть.
Это руки протянул Сережа,
Подарил мне северную Русь.
Подарил мне над Шексною тучи.
Две с орбит сошедшие звезды.
Вологодский говорок певучий,
Вьюгу, заносящую следы...

* * *

Теперь я увижу не скоро,
Сергей, Белозерье твое,
Где женщины, словно жонглеры,
Шестами полощут белье.
Красиво, уверенно, смело
Полощут белье в прорубях.
Где гуси над озером Белым
Тревожно и грустно трубят.
Куда вы летите, куда же?
Меня прихватите с собой!..
Здесь «Здравствуйте!»— ласково скажет
Приезжему встречный любой.
Здесь мальчик, с глазами как блюдца,
Вдруг мне подарил туесок.
Здесь в детство Сережи вернуться
Позволила жизнь на часок.

ПОЭТ

Вернулся из войны. Не так уж молод —
Остался за спиною перевал...
Вернулся из войны. Блокадный холод
Его больное сердце не сковал.

Не рвался на высокие трибуны

И не мечтал блистать за рубежом.
Нет, не завидовал современным, юным
Он — скромной гордостью вооружен.

Страдал. Писал. Не требуя награды.
За строчкой строчку. Трудно. Не спеша.
В тени... В нем билось сердце Ленинграда,
В нем трепетала Питера душа.

Он помнил — Пушкин, Достоевский, Ленин
Дышали белым маревом Невы...
Седой поэт, застенчивости пленник,
Идет, не поднимая головы.

В президиум, в последний ряд, садится,
Прищуриль близорукие глаза.
И освещаются невольно лица,
И благодарно замирает зал,

Когда поэт выходит на трибуну,
Когда берет, робея, микрофон,
И далеко запряжанные струны
Невольно в душах задевает он.

Мы снова верим, что в наш век жестокий,

Который всяким сантиментам чужд,
Еще становятся бинтами строки
Для раненых, для обожженных душ.

И ВСТРЕТИЛИСЬ ЖЕНЩИНЫ ЭТИ...

Болгарской поэтессе Е. Багряне, дважды увидевшей комету Галлея

Пленительней не было стана,
Победнее не было глаз —
Багряна, Багряна, Багряна
Кометой по жизни неслась.

А в небе нахмуренном где-то,
Вселенную вызвав на бой,
Другая блистала комета,
Свой шлейф волоча за собой.

Все грады и все деревеньки
Тревогою были полны.
Случилось такое давненько —
До первой великой войны...

И встретились женщины эти —
Комета с Багряной — опять.

Ничто не сумело на свете
Свиданию их помешать.

Прошла, не сдаваясь, Багряна
Сквозь черные пропасти лет —
Мерцание телеэкрана,
Стихов неслабеющий свет.

А в небе нахмуренном где-то,
Покинув наш дом голубой,
В другое столетье комета
Уносит свой шлейф за собой...

ЕСТЬ В РОССИИ СВЯТЫЕ МЕСТА...

* * *

Есть в России святыя места.
Если друг тебя в горе кинет,
Если вдруг на душе пустота,
Ты пойдя, приложись к святыне.
Поброди вдоль Тригорских прудов,
По Михайловским ласковым рощам —
Как бы ни был наш век суров,
Там все сложное станет проще.
И над Соротью голубой
Вдруг обратно помчится время.
Ты свою позабудешь боль,

Обретешь ты второе зренье...

* * *

Какие только не случались были —
Сравнится ль сказка с правдою иной?..
Тригорское, Михайловское были
Всего лишь селами, разбитыми войной.
И в тех аллеях, что для сердца святы,
Там, где поэт бродить часами мог,
Фельдфебель из Баварии впечатал
Следы своих подкованных сапог...

ГРАФИНЯ ВОРОНЦОВА

Какое тонкое и гордое лицо!
Не забываются такие лица...
Светает. Пушкин вышел на крыльцо.
Не Сорочь — море Черное дымится.
Прикрыл глаза: уединенный грот,
И женщина, забывшая гордыню —
Графиня Воронцова... Нежный рот,
Покорный умный взгляд, бровей разлет...
Когда же наваждение пройдет,
Когда же страсть, когда любовь остынет?
Когда освободится от оков
Незащищенная душа поэта?
Ведь ныне даже лепет ручейков
Ему напоминает моря лепет.

И лепет женщины. Уединенный грот,
Он, обнимающий ее колена...
Когда же наваждение пройдет,
Когда же вырвется душа из плена?
Когда, когда?.. Присел он на крыльцо,
Не Сорочь — море Черное дымится.
А в дымке тонкое и гордое лицо —
Не забываются такие лица...

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Вздыхает ветер. Штрихует степи
Осенний дождик — он льет три дня...
Седой, нахохленный, мудрый стрепет
Глядит на всадника и коня.
А мокрый всадник, коня пришпоря,
Летит наметом по целине.
И вот усадьба, и вот подворье,
И тень, метнувшаяся в окне.
Коня — в конюшню, а сам — к бумаге.
Письмо невесте, письмо в Москву:
«Вы зря разгневались, милый ангел —
Я здесь, как узник в тюрьме, живу.
Без вас мне тучи весь мир закрыли,
И каждый день безнадежно сер.
Целую кончики ваших крыльев
(Как даме сердца писал Вольтер).
А под окном, словно верный витязь,

Стоит на страже крепыш-дубок...
Так одиноко! Вы не сердитесь:
Когда бы мог — был у ваших ног!
Но путь закрыт госпожой Холерой...
Бешусь, тоскую, схожу с ума.
А небо серо, на сердце серо,
Бред карантина — тюрьма, тюрьма...»
Перо гусиное он отбросил,
Припал лицом к холодку стекла...

О, злая Болдинская осень!
Какою доброю ты была —
Так много Вечности подарила,
Так много русской земле дала!..
Густеют сумерки, как чернила,
Сгребает листья ветров метла.
С благоговеньем смотрю на степи
Где он на мокром коне скакал.
И снова дождик, и снова стрепет
Седой, все помнящий аксакал.

НАТАЛЬЯ ПУШКИНА

И просто ли испить такую чашу —
Подругой гения вдруг стать в восемнадцать лет?
Наталья Николаевна, Наташа,
И после смерти вам покоя нет.

Была прекрасна — виновата, значит,
Такое ясно каждому, как день.
И негодуют, сетуют, судачат,
И судят-рядят все, кому не лень.

А просто ли испить такую чашу?
И так ли весело и гладко шли
Дела у той, что сестры звали «Таша»,
А мы — великосветски! — «Натали»?
...Поэта носит по степям и хатам,
Он у Емельки Пугача «в плену».
Лишь спрашивает в письмах грубовато,
По-русски, по-расейски: «Ты брюхата?» —
Свою великосветскую жену.
И на дворе на постоялом где-то
Строчит ей снова: «Не зови, постой».
И тянутся прелестницы к поэту,
И сам он, как известно, не святой...

Да, торопила — скоро роды снова.
Да, ревновала и звала домой.
Что этой девочке до Пугачева,
Когда порой хоть в петлю лезть самой?
Коль не любила бы — не ревновала.
В нее влюблялись? — в том дурного нет.
А если льстило быть «царицей бала»—
Вот криминал в осьмнадцать, двадцать лет!

Бледна, тонка, застенчива — мадонна,
Как будто бы сошедшая с креста...
А сплетни, анонимки — все законно:
Всегда их привлекала красота.
Но повторять наветы нам негоже.
Забыли мы, что, уходя с земли,
Поэт просил Наташу не тревожить —
Оставим же в покое... Натали!

ВРАГ ЧЕХОВА

Всегда врагов у гения немало,
Но, может, пошлость —
Самый страшный враг...
Его душа измаялась, устала
От мелких обывательских атак.
От дам лепечущих:
«Он душка, право!»
От ругани журнальной и похвал.
Всерьез капризную особу Славу
Художник никогда не принимал.
Жизнь таяла, как месяц на ущербе.
Его нашла в Германии беда.
И это еле слышное:
«Их штербе!»[3],
И жуткое паденье в никуда...
Но пошлость миг для мщенья

Не упустит —

Когда на родину вернулся он,

То на вагоне траурном:

«Для устриц»—

Прочел людьми заполненный перрон...

ЗВЕЗДА МАНЕЖА

Наездника почтительные руки

На ней, артистке,

Вот уж скоро год

Не стягивали бережно подпруги,

Не украшали мундштуками рот.

Она в галантном не кружилась танце.

Не мчалась по арене взад-назад.

Когда манежной лошади

шестнадцать,

То это словно наши шестьдесят.

На пенсию тогда выходят люди.

Но с лошадей другой, понятно, спрос.

«Зря жрет овес, — решили в цирке, —

Сбудем

Мы эту старушенцию в колхоз».

И вот она, почти совсем слепая,
Впряглась, вздыхая, в рваную шлею
И потащила, тяжело ступая,
Телегу дребезжащую свою.

Шел серый дождь.
Рассвет промозглый брезжил.
В разбитые копыта лезла грязь.
Над ней, балованной звездой манежа.
Куражился возница, матерясь.

Ломовики, теперь ее коллеги.
Взирали на циркачку свысока.
...Дни дребезжат, как старые телеги,
Кнут обжигает впалые бока.

И все же ночью в деннике убогом,
Самой себе во мраке не видна,
Присев на задние трясущиеся ноги,
Пытается вальсировать она...

«КУЗНЕЧИК»

Худые коленки и плечи,

Лица заостренный овал.

Дитя, попрыгунья, кузнечик —

Семнадцатый год миновал.

Но с женской, недетской тоскою,

По-взрослому горько твердит:

— Зачем родилась я такую? —

Твердит, как рыдает навзрыд.

— А чем тебе, девочка, плохо?

Мила, неглупа и юна.

— Рожденная в эту эпоху,

В другие живу времена.

Все снятся мне ваши комбаты,

Герои Великой войны.

Юнцы-«модерняги» с Арбата,

В сравнении с ними, скучны.

— Ты слишком, дружок, резковата —

Не все «модерняги» скучны.

— Но снятся мне ваши комбаты,

Герои Великой войны.

Мужчины, с которыми рядом

Любая беда не страшна.

Прошу вас, смеяться не надо,

Хотя я, должно быть, смешна...

И дрогнули острые плечи,
Потупилась, прядь теребя.

...Совсем не смешно мне, кузнечик,—
Я так понимаю тебя!

УЛИЦА НАТАШИ КАЧУЕВСКОЙ

Именем Наташи названа новая планета

В белокаменном квартале нашем,
Где дома старинные стоят,
Притулилась улочка Наташи —
С фронта не вернувшейся назад.

Шел той светлой девушке двадцатый.

Пробил час, настал ее черед,
Защищая раненых, с гранатой
Беззаветно ринуться вперед.

...Пролетают стайки первоклашек,
Детский сад протопал чередой
По веселой улице Наташи,
Под ее кристальной звездой.

Поколение уходит наше,
Завершив солдатский подвиг свой.
По взгрустнувшей улице Наташи,
Словно по дорожке фронтовой.

БАЛЛАДА О ЗВЕЗДАХ

Среди звезд заблудился ночной самолет.
Полетели запросы в кабину пилота.
И тогда услышали, как летчик... поет,
Что спускаться на землю ему неохота.

И схватился за голову бедный комэск:
Не сможешь безумцу — бензин на исходе...
Только взрыв. Только звезд торжествующий блеск.
Только горло товарищей судорогой сводит...

Да, конечно, был попросту болен пилот,
Допустили напрасно его до полета...
Снова крутится пленка и летчик поет,
Что спускаться на землю ему неохота.

Отдадут, как положено, пленку в архив.

Сослуживцы уйдут на «заслуженный отдых»,
И забудут со временем странный мотив —
Песню летчика, вдруг заплутавшего в звездах.

ПОЧЕМУ?

Трудно, чтобы такое не тронуло душу.
Если даже бесчувственен ты:
Почему-то выбрасываются на сушу
Повелители моря — киты.

Ударяясь о скалы могучею грудью,
Разбиваются, как корабли.
И противятся добрым встревоженным людям.
Что спасти великанов пришли.

Я на телеэкране слежу за китами,
За бедой, неподвластной уму.
Почему, почему? — нераскрытая тайна...

Сколько в жизни таких «почему»!

«Стареют не только от прожитых лет...»

Стареют не только от прожитых лет —
От горьких ошибок, безжалостных бед.
Как сердце сжимается, сердце болит
От мелких уколов, глубоких обид!
Что сердце! — порою металл устает,
И рушится мост — за пролетом пролет...

Пусть часто себе я давала зарок
Быть выше волнений, сильнее тревог.
Сто раз я давала бесстрашья обет,
Сто раз отвечало мне сердце: «О нет!
Я так не умею, я так не хочу,
Я честной монетой за все заплачу...»

Когда слишком рано уходят во тьму,
Мы в скорби и гневе твердим «почему?»
А все очень просто — металл устает,
И рушится мост — за пролетом пролет...

«Полжизни мы теряем из-за спешки...»

Полжизни мы теряем из-за спешки,
Спеша, не замечаем мы подчас
Ни лужицы на шляпке сыроежки,
Ни боли в глубине любимых глаз.

И лишь, как говорится, на закате,
Средь суеты, в плену успеха, вдруг
Тебя безжалостно за горло схватит
Холодными ручищами испуг:
Жил на бегу, за призраком в погоне,
В сетях забот и неотложных дел,
А может, главное и проворонил,
А может, главное и проглядел...

«Запорола сердце, как мотор...»

Запорола сердце, как мотор
В нем все чаще, чаще перебои...
До каких же, в самом деле, пор
Брать мне каждый сантиметр с бою?..

Ничего! Кто выжил на войне,
Тот уже не сдастся на «гражданке»!

С нестерпимым грохотом по мне
Проползают годы, словно танки...

«Старая лента — обугленный лес...»

Старая лента — обугленный лес.
Юный Алейников, юный Бернес.
Дочь говорит: «Примитив!»
Может быть, правда в словах этих есть,
Только отвага, и верность, и честь —
Непреходящий мотив.
Их проявила на пленке война...
Как надоели мне полутона —
Словно боимся мы сильных страстей
Так, как боятся незваных гостей...

Старая лента — обугленный лес,
«Темную ночь» напевает Бернес.
Ах, как волнует нехитрый мотив,
Как покоряет сердца «примитив»!

ОСТРОВ ДЕТСТВА

Никитские ворота... Вновь влечет
Меня в кварталы старые упорно.
Еще он жив — мой скромный старичок —
Малюсенький кинотеатр «Повторный».
Когда-то был весьма известен он,
И «вся Москва» толпилась в душном зале.
Его шикарно звали «Унион»,
И мы туда с уроков убегали.
Сбегал министр юстиции Кравцов —

Воздвигнутый еще во время оно
В честь воинов, в честь тех, кто преподавал
Урок надменному Наполеону.
О, как была оскорблена Расея,
Когда святыню превратили в пшик!—
Густой туман клубится над бассейном,
А в том тумане кирасира лик...
Опять глазам и сердцу горячо,
Вновь слышу пенье пионерских горнов.
Как хорошо, что жив мой старичок —
Малюсенький кинотеатр «Повторный»!

НЕТ ПОКЛОННОЙ ГОРЫ...

Нет Поклонной горы, ее срыли... Ночами.
В котлован, где бульдозеры спят.
Собираются мертвые однополчане —
Миллионы убитых солдат.
Миллионы на марше, за ротою рота.
Голоса в шуме ветра слышны:
«Почему, отчего
Так безжалостен кто-то
К ветеранам Великой войны?
Дайте, люди, погибшим за родину слово,
Чутко вслушайтесь в гневную речь.
Почему, отчего
Убивают нас снова —
Беспощаден бездарности меч.

Громче бейте в набат, наши деды и внуки —
Знаем, вы заступились за нас.
Оттолкните от мрамора жадные руки!—
Иль ушло Благородство в запас?..»
Собираются мертвые однополчане
В котлован, где бульдозеры спят.
Нет Поклонной горы.
Но взывают ночами
К нам миллионы убитых солдат.

ПРИВИЛЕГИЯ КОММУНИСТА

Там, в окопах сырых и мглистых,
Где косила людей война,
Привилегия коммуниста,
Как известно, была одна:
Штык к винтовке примкнув умело,
По команде: «За мной! Вперед!»
Первым бросить на бруствер тело
И последним уйти в санвзвод.

Разве небо сегодня чисто,
И легко ли живет страна?..
Привилегия коммуниста
И сейчас у него одна:
При ЧП — обвалилось зданье,
Или пламенем цех объят,

Первым броситься
К тем, кто ранен,
И последним уйти назад.

Было всяко в горячке буден,
Ошибались не раз, не два...
Только Правду
Скрывать не будем,
Правдой
Партия и жива.
Если кто-то
Забыл про это,
Значит, он
Позабыл про честь...
В красной корочке партбилета
Революции отсвет есть.
Привилегия коммуниста
И сейчас у него одна.

Снова в ленинский голос чистый
Чутко вслушивается страна.

ПОЛЫНЬ

(Триптих)

I

Этой темы касаться — словно раны кровавой.

Но молчать не положено мне:
Я о тех, что пока не обласканы славой,
Хоть сражались в библейской войне.
Нет страшней, чем с невидимой смертью бороться,
Заслоняя планету собой...
Пляшут, вырвавшись, атомы — злые уродцы,
Но пожарные приняли бой.
Нет, не все измеряется лишь орденами,
Хоть, должно быть, отыщут и вас ордена.
Вижу, встав на колени, солдатское знамя
Преклоняет пред вами страна.
Все пред вами в долгу, и до самого гроба...
Выйду в степь, в раскаленную синь —
Я не ведала ране, что словом «чернобыль»
Называли славяне полынь..

2

Этой темы касаться — словно раны кровавой.
Но покоя, смолчав, не найду.
Я о тех, что умчались машинною лавой,
Землякам не сказав про беду.
Я о черных, бесшумных, лихих лимузинах,
Что рвались, как безумные, в тыл.
Да, о тех, кто детей беззащитных покинул,
А себя вечным срамом покрыл.
Да, о тех, кто покрыл себя вечным позором,
Их услышать хочу имена.
И еще я о нечисти — о мародерах,
Тех, кого прокликает страна.
Тех, кто словно на совести черные пятна,

Тех, кто беженцев грабил дома.

Как такое случится могло? Непонятно!

От подобного сходят с ума...

3

Не важно, кто первый на кнопку нажмет...

О, бедной планеты обугленный рот!

Кричит: «Что творите вы, люди, со мной?»

Поймите, земляне, мы в связке одной!

Нам вместе лететь в термоядерный ад.

Закрою глаза — океаны кипят.

Есть время — пока что! Но время не ждет...

Сегодня в Припяти тронулся лед.

Чернобыль, Чернобыль — вселенская боль!

Чернобыль — за души ослепшие бой:

Неужто меня не прикрыл ты собой,

О пленники горькой юдоли земной,

Мы спаены вместе, мы в связке одной!

Не важно, кто первый на кнопку нажмет!»

О, бедной планеты обугленный рот!

«Когда нажмет на эту кнопку палец...»

Когда нажмет на эту кнопку палец —

Сигнал к началу атомной войны —

Конечно же, земляне, мы пропали,

Коль в списки «избранных» не включены.

А «избранному» надо по тревоге

Спасать свою и домочадцев жизнь:

Себя взять в руки,

После — руки в ноги,

И в бункера галопом понестись.

Предав сограждан,

Жить в норе бетонной —

Элита, шкуры, супермены, тли.

И слышать в душных сновиденьях стоны —

Последнее проклятие Земли.

«И куда нам теперь деваться...»

И куда нам теперь деваться,

Где нам спрятаться, где спастись?

Мы заложники атомных станций,

Рваный рубль стоит наша жизнь.

Для чего, да и с кем нам бороться?

Нету воли, нет веры, нет сил.

Нас бесшумный сапожек горца

Равнодушно к земле придавил...

И поэтому, может статья,

Даже лучше для нас, что мы

Лишь заложники атомных станций,
Дети ядерной Колымы...

«О, Россия! С нелегкой судьбою страна...»

О, Россия! С нелегкой судьбою страна...
У меня ты, Россия, как сердце, одна.
Я и другу скажу, я скажу и врагу —
Без тебя, как без сердца, прожить не смогу...

ВСЕ СТОНУТ НА ЕДИНОМ ЯЗЫКЕ...

«Испания! Уходят за кордоны...»

Испания! Уходят за кордоны
Последние бойцы интербригад.
На мостовых притихшей Барселоны
Их башмаки тяжелые стучат...
Испания! Вот-вот за поворотом
Они простятся навсегда с тобой...
Идут антифашисты, дон-кихоты...
Проигран бой? —
Нет, не проигран бой,
Пока кусочек киноленты старой
Так больно душу обжигает мне...

Мы отомстили за Гвадалахару,
Мадрид, Уэску на большой войне.
Швыряли мы фашистские знамена,
Когда Победа вышла на парад —
На них смотрели взглядом воспаленным
Последние бойцы интербригад...

МОЛОДОСТЬ РЕВОЛЮЦИИ

Пальчики в маникюре
Гладят щеку нагана —
Такой я тебя видала,
Юность земли, Гавана!
Мимо трибун проходят
Шагом солдатским, спорым
Хрупкие сеньориты,
Тоненькие сеньоры.
То молодость революции
Военным идет парадом.
...Не так ли и наши матери
С мужьями, с отцами рядом
В двадцатом году шагали
Гордым голодным городом?..
Барбудос идут, барбудос!
Ветер взвивает бороды.
Шутят, поют трибуны.

Сев на скамейке с нами.
Молоденькие министры,
Смеясь, болтают ногами:
Юные ветераны.
Цвет революции Кубы —
Сколько рубцов у каждого
Под гимнастеркой грубой!
Дождика редкие нити
В воздухе заблестели,
Хором: «Плащом накройся!»
Люди кричат Фиделю.
Приходится покориться —
Его бережет Гавана.
Премьер (он похож на доброго
Смущенного великана)
Смеется — сверкают зубы,
И люди вокруг смеются.
...Вот ты какая! Здравствуй,
Молодость революции!

ПАМЯТИ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРА

В далекой Боливии где-то,
В гористом безвестном краю
Министра с душою поэта
Убили в неравном бою.
Молчат партизанские пушки,
Клубятся туманы — не дым.

В скалистой угрюмой ловушке
Лежит он с отрядом своим.
Лениво ползут по ущелью
Холодные пальцы луны...
Он знал — умирать не в постели
Министры совсем не должны.
Но все свои прерогативы
Кому-то другому отдал,
И верю, что умер счастливый,
Той смертью, которой желал.
Гудит над вершинами ветер,
Сверкает нетающий снег...
Такое случилось на свете
В наш трезвый, рассудочный век.
Такое, такое, такое,
Что вот уже несколько дней
Не знают ни сна ни покоя
Мальчишки державы моей.
В далекой Боливии где-то,
В каком-то безвестном краю
Министра с душою поэта
Убили в неравном бою.

В ЗАПАДНОМ БЕРЛИНЕ

Он строен, хотя седоват,—
Мальчишкой прошел по войне,
Прошел как окопный солдат,

Но только... на той стороне

Он выучил русский в плену,
На Память читает стихи.
С себя не снимает вину
За те — фронтовые — грехи.

Да, много воды утекло!
Он вроде другой человек...
Сверкает неон и стекло.
Блистателен атомный век.

Мой спутник галантен и мил.
Внимательность в умных глазах...
Так вот кто едва не убил
Меня в подмосковных лесах.

Молчим. У рейхстага стоим,
Не знаю, минуту иль час.
Не знаю, туман или дым
Сгущается около нас.

Не знаю я — если опять
Рванется лавина огня,
Откажется, нет ли стрелять

Галантный филолог в меня...

ТЕРРОМОТО — ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Я это слово грозное вчера
В «Паэзе сера» встретила впервые —
Я, женщина, которую «сестра»
Звала Россия в годы фронтовые.
Я дочь войны, я крови не боюсь —
Веками кровью умывалась Русь...
Сицилия! Тревожные костры
И беженцев измученные лица.
Стон раненых... И сердце медсестры
Во мне больнее начинает биться.
Стон раненых. Он всем понятен сразу,
Все стонут на едином языке —
В горах Сицилии, в горах Кавказа,
С винтовкой иль с мотыгой в руке.
Сицилия! Прекрасен и суров
Твой лик, преображенный терромото.
А в небе — шпаги двух прожекторов,
А на земле — карабинеров роты.
Как на войне... И нет лимонных рощ,
И гаснет южное великолепье.
И кажется, что наш, расейский, дождь
По кактусам и мандаринам лепит...

ГОЛОС МЕХИКО

Умоляем, умоляем — тише!

Может, мы еще услышим стон

Человека, что покуда дышит,

Заживо в руины погребен.

Ногти в кровь. Опухшими руками,

Днем и ночью, на пределе сил

Разбираем мы за камнем камень

Братских, дышащих еще могил.

Здесь страшней, чем там, где свищут пули,

Но главою город не поник —

Очереди в донорские пункты,

Дети, повзрослевшие за миг.

Не одни мы — дружбы чистым светом

В горе горьком осенило нас:

Добровольцы, рыцари планеты,

Стали рядом в этот страшный час.

Ногти — в кровь. Опухшими руками,

Днем и ночью, на пределе сил

Разбираем мы за камнем камень

Братских, дышащих еще могил...

«Я в далеких краях побыла...»

Я в далеких краях побыла,

Как солдат, как газетчик, как гость.

Помнишь Сент-Женевьев де Буа —
Под Парижем российский погост?
Сколько там, в равнодушной земле,
Потерявших Отчизну лежит!
В каждом сердце, на каждом челе
Как клеймо запеклось — «апатрид»[5].
Знаю, были их дни нележки,
Куплен хлеб дорогою ценой.
Знаю, были они бедняки,
Хоть нажил миллионы иной.
Бродят близкие возле оград,
В их глазах безнадежный вопрос.
О, пронзительный волжский закат,
О, застенчивость брянских берез!
Что ж, и нам суждено провожать —
Перед смертью бессилён любой.
Потеряешь когда-нибудь мать,
Удержать не сумеешь любовь...
Но опять захохочут ручьи,
Брызнет солнце в положенный час.
Знаешь, все-таки мы — богачи:
Есть Отчизна — Россия — у нас.
Отними ее — ты бы зачах,
Отними ее — мне бы конец...
Слышу я в заграничных ночах
Перестук эмигрантских сердец...

«Старуха, ровесница века...»

Старуха, ровесница века,
В одну из торжественных дат
Сидит в помещении жэка —
Впервые пришла на доклад.

Раздумье в слезящемся взоре,
Глубоко вздыхает она
О том, что в стране Сальвадоре
Сейчас полыхает война.

Сном вечным солдатским почили
Три сына старухи подряд...
Потом о стране Кампучии
Соседи вокруг говорят.

Подкована бабка не очень.
Про страны те слышит впервой.
Но помнит горящие ночи
Далекой второй мировой.

Она вот осталась на свете,
А мальчиков — мальчиков нет...
Глаза обжигает ей ветер
Дымящихся огненных лет.

«АФГАНЦЫ»

Мне мальчики эти, как братья,
Хоть молоды даже в сыны.
Пусть я не бывала в Герате,
Они не видали Десны,
Где гибли десантные лодки
И, словно в мучительном сне.
Качались, качались пилотки
На красной, соленой волне...
Едва ли сумеют другие,
Не знавшие лика войны.
Понять, что теперь ностальгией
И вы безнадежно больны —
Что будете помнить отныне
Не только ущелий тиски,
А то, как делили в пустыне
Воды горьковатой глотки.
В Зарядье, в Кузьминках, на Пресне
Война постучится к вам в дверь,
И может, покажется пресной
Вам жизнь на «гражданке» теперь.
Забудется ль солнце Герата,
Чужая родная страна?..
Острей, чем вода,
Для солдата
Уверенность в друге нужна.
Житейские ссоры-раздоры

Ничтожными кажутся мне...
Грохочут афганские горы,
Пилотки плывут на Десне...

«Как больно мне...»

Как больно мне
Мысленным взглядом
Увидеть в Карибской дали
Жемчужину,
 крошку,
 Гренаду —
Слезинку на лице Земли.

Смахнуть ее было так просто
Забывшей о чести стране...
И сердца пылающий остров
Грохочет от гнева во мне...

Как сладко, как больно, как любо
Увидеть в Карибской дали
Другую жемчужину —
 Кубу:
Улыбку на лице земли.

ТАИНСТВЕННЫЙ МИР ЯНОМАМИ

Между Венесуэлой и Бразилией, в недоступных горах Сурукуку, в полной изоляции от остального мира, живет индейское племя Яномами.

Из джунглей, закрытых горами,
Из глуби кристальных озер
Таинственный мир Яномами
Мне смуглые руки простер.

Бананы, табак, авокадо,
Сплошные, как стены, дожди.
Здесь племенем правят, как надо.
Одетые в перья вожди.

Затерянный мир Сурукуку,
Тропический девственный сад...
Мужчины стреляют из лука,
А женщины рыбу коптят.

Здесь святы понятия чести —
Индейцы обетам верны.
Не знают ни лести, ни мести,
Красивы законы войны.

Подумаешь — копья и стрелы!

К тому же в открытом бою...
Когда б они знали про белых,
Что землю взрывают свою!

Про братьев своих бледнолицых
Им лучше б вовеки не знать...
Сегодня железные птицы
Кружились над сельвой опять.

Тростник, маниока, бататы
Цвели, погруженные в сон...
И недра, на горе, богаты —
Поэтому рай обречен.

Проклятое время сурово —
Прощай, затянувшийся пир!
Бульдозеры с вонью и ревом
Ворвутся в затерянный мир...

ФУТБОЛ

Раньше в матч я, признаться, бывало,
Выключала приемник, ворча:
«Жаль, что страсти такого накала
Разгорелись вокруг... мяча!»

Но, попав в Лужники случайно,
«Заболела» я в тот же день,
С уваженьем постигнув тайну,
Украшающую людей:
В сердце взрослого человека
Скрыт ребячий волшебный мир,
А футбол — это детство века,
Это рыцарский наш турнир.
Здесь прекрасны законы чести,
Здесь красив благородный бой,
Каждый рад быть в опасном месте,
Каждый жертвовать рад собой.
Здесь сопернику крепко руку
Побежденный с улыбкой жмет —
В том товарищества наука
И достоинства высший взлет!
...Всплески флагов. Свисток арбитра.
И трибун штормовой прибой.
Это — лучшая в мире битва
И гуманнейший в мире бой.
О, как были бы мы спокойны.
Как прекрасна была бы жизнь,
Если б все на планете войны
На футбольных полях велись!

«И надежда царя, и оплоты веры...»

И надежда царя, и оплоты веры —

Неподкупная сталь штыков!—
Презирали армейские офицеры
Жандармерию и шпииков.

Справедливости здесь не ищи, бесспорно
Что поделаешь, как-никак,
Должен кто-то работать на живодерне
И бродячих ловить собак...

«ДОБРЫЙ ДЯДЮШКА»

Трудно верить, но это было:
Каждый раз, когда шли на смерть,
Тупо целился нам в затылок
«Ангел смерти»— товарищ СМЕРШ[6]
Здесь бессилён мой бедный разум:
Ведь на мушке держали нас
Наши братья — рабы приказа[7],
А преступен был тот приказ...
Все же, даже тогда, поверьте.
Были те, кто в своих — не мог!
От греха откупались смертью,
Слали пулю себе в висок...
Я не знала тогда об этом,
Но сегодня не подаю
Руку «другу», что с пистолетом
Из укрытия следил в бою

За тобою, солдат, за мною:
Сделал в сторону шаг — хана...
Страшно вспомнить, какой ценою
В СМЕРШ платили за ордена...
После, в органах, в самых лучших
Вновь он целился, как в войну...
А когда разогнали тучи,
Позабыли его вину.
Дачка. Пенсия — все законно.
Чтоб без «стука» не заскучать,
В карцер черного телефона
Заклучил он жену и мать.
Все прокручивает кассеты,
Сладко жмурясь, как хитрый кот.
Вновь при деле.
Сомнений нету:
Он — сверхпламенный патриот!
И кому это нынче надо:
Слушать женскую трескотню?
Но без ада
Нет жизни гаду,
Оправдания нету дню,
Дню, когда не подловит друга,
Не обманет подругу он.
И шипит, и хрипит с испуга
Бедолага-магнитофон...
Знаю, что на этапах, в БУРах,
А во время войны — в бою
Было много чекистов хмурых.
Не теряющих честь свою.

Им казался их долг мученьем,
Как стеснялись своих наград!..

Добрый дедушка в час вечерний
Из детсада ведет внучат.

АРМЕНИЯ В ДЕКАБРЕ

(Триптих)

1

Этот город, что до слез меня потряс
Черными кругами возле глаз
Юных вдов, и мужеством сирот,
И достоинством, что нам недостает:
Всё мы плачемся, все кажется не так...
Был в мгновение стерт с земли Спитак,
Погрузив Армению во мрак.
Замурованные заживо — молчат,
Кончился для них, должно быть, ад...
А старушечка (чем дышит — видит бог),
У которой четверо в завалах,
«Ты не простудился бы, сынок!» —
Ласково спасателю сказала...

2

Не уснуть. На сердце тяжкий камень.
На душе невыносимый груз.
Замело Армению снегами —

И уже я в горы не прорвусь.
Не прорвусь в палатки продувные,
Чтоб людей измученных обнять...
Слышу, слышу ваши позывные:
«Помоги в беде, Россия-мать!»
Ты уже спасла, кого сумела,
В самый первый, самый страшный час.
Но должны мы этой ночью белой
Знать, что помнит Родина о нас.
Этой ночью, белой от метели,
Этой ночью, черной от тоски,
Как бы мы почувствовать хотели
Теплоту протянутой руки!

3

Бог войны громыхает,
Проходя Ереваном.
Смотрит Ленин на пушки
С выражением странным.

Как живется вам, танки,
В этой грустной столице? —
Зачехленные пушки,
Зачехленные лица.

Что, что все это значит?
Карабах... Сумгаит...
Площадь Ленина плачет

И зубами скрипит...

ЗВЕЗДОЧКА

(Поэма)

Памяти Саманты

I

Когда о гибели ребенка

Вдруг дикторский поведал глас,

Казалось, будто «похоронка»

С полей войны догнала нас.

По небосводу в черных тучах,

Под взглядом злых и добрых глаз,

Саманта, звездочкой падучей

Ты над планетой пронеслась.

Умна, прелестна, необычна.

Душой и обликом светла.

Такой, наверно, Беатриче,

Такой Джульетта быть могла.

Но не о юношах влюбленных

Головка грезила твоя —

Ты размышляла о законах

И беззаконьях бытия.

От взрывов вздрагивали звезды

И лазерный метался меч.

Саманта верила — не поздно

Земную колыбель сберечь.

Все выше ненависти башня.

Непонимания стена.

Но мы союзников вчерашних

Не забываем имена!

2

Плачет мрамор, нахмурилось небо...

Здесь, Саманта, во время войны

Бились асы «Нормандия — Неман» —

Дон-Кихоты союзной страны.

Не сиделось тем рыцарям дома —

А могли отсидеться вполне...

Спят комэска, ведущий, ведомый

И Нормандию видят во сне.

Обелиски застыли сурово,

Охраняя усталых солдат.

Стиснув пальцы, французские вдовы

Рядом с русскими молча стоят.

3

Нет, ничего забыть мы не смогли!

Саманта, вижу, лишь глаза прикрою,

С оружием и продуктами конвои —

Они из Англии и Штатов шли.

Дымились раненые корабли,

Дышали копотью пороховою.

Лишь фронтовик, обстрелянный солдат,

Лишь человек, войною обожженный.

Мог до конца понять, как через ад —

Торпедный ад — к нам пробивались «джоны».

«Иваны», «фрицы», «джоны» — на войне

Солдаты так друг друга «величали».

К одним вскипала ненависть в огне,

С другими обнимались на причале.

И в самый горький — первый год войны,

И кровью истекая в сорок третьем,

Мы знали — выдюжим! Но даже дети

Про фронт второй тогда видали сны.

Ну, а пока с восторгом корабли

Встречали мы, что к нам пробились с боем.

...Союзник мой! В другом конце земли

Ты помнишь, как гордились мы тобою?

И где сейчас ушастый юнга Джон?

Его спасла тогда кровь новгородца...

Что делает в своем Техасе он,

И хорошо ль ушастику живется?

Он рассказать об очень многом мог,

Саманта, если б встретился с тобою —

Крещенный боем, освященный боем

Моряк с протезами обеих ног...

Потом из пепла встали города,

Вздохнули люди на земле спокойно.

Но за морями кто-то и тогда

Уже подумывал о «звездных войнах»...

4

Миллионы убитых солдат,

Ветеранов великой войны,

Встали в строй, возвратились назад,

Потому что приказу верны,

Потому что их внуки кричат,

Видя ночью нейтронные сны.

Миллионы убитых солдат

Вопрошают живых: «Как же так?

Или не был повержен рейхстаг?

Иль приснился победный парад?

Как же так? Как же так? Как же так?..»

5

Дитя Америки хотело

Земную колыбель спасти.

Дитя погибло... Но успело

Умы и души потрясти.

Пускай дрожат от взрывов звезды,

Пусть лазерный крадется меч —

Мы тоже верим, что не поздно

Земную колыбель сберечь.

Брать на испуг наивно русских.

На том стояли и стоим!

Стоим, протягивая руки,

Саманта, всем друзьям твоим!

«Я б хотела отмотать назад...»

Я б хотела отмотать назад

Ленту жизни и вернуться снова
В милый наш литинститутский сад,
Где бродила девочкой суровой.

То была отличная пора —
Взлеты, неожиданные старты.
Летчики, танкисты, снайпера
За студенческие сели парты.

Ветераны в двадцать с лишним лет
Начинали жизнь свою сначала
И считали звание «Поэт»
Много выше званья генерала.

На заре послевоенных дней
Мы, солдаты, понимали четко:
На Парнас пробиться потрудней,
Чем на безымянную высотку.

Звездный час, неповторимый час —
Как любилось, верилось, мечталось!

Много ли теперь осталось нас —
В жизни и в Поэзии осталось?..

Примечания

1

В этот день повесили пятерых декабристов и свершили обряд гражданской казни над остальными.

2

Слуцкий.

3

Я умираю (нем.).

4

Скульптура Н. А. Андреева.

5

Не имеющий гражданства.

6

Сокращенно от «Смерть шпионам» — советская контрразведка, непосредственно подчинявшаяся Сталину.

Приказ Сталина № 227 об образовании заградотрядов, обязанных стрелять по отступающим бойцам.